

Вячеслав НЕСКОРОМНЫХ

РУССКИЙ ПИСАРРО

(Журнальный вариант)

Верховный правитель Русской Америки Александр Баранов сам называл себя «Писарро российский». Приняв в 1791 году небольшую артель в гавани Трех Святителей на Кадыке, он оставил после себя обширную факторию на острове Ситка, постоянные конторы на островах Кадык, Уналашка, Форт Росс в Калифорнии, отдельные управы на островах Прибылова, в Кенайском и Чугатском заливе, сумел наладить добычу угля, медеплавильное производство, постройку судов. Под его руководством возникло свыше двухсот поселений, открывались школы, библиотеки, храмы, судостроительные верфи, сельскохозяйственные заводы...

1. КАРГОПОЛЬ

Жгучий ветерок с севера трепал ворот тулупа и обжигал лицо. Возок покачивало на неровностях зимней дороги, а горизонт, ровный в перспективе с зубчиками далёкого лесного урочища и обширного заснеженного поля, на котором ещё не растаяли, не проявились русла многочисленных речушек и озерков, заболоченных полян, казался недвижим, как декорация космического размаха. Впечатление множила ранняя пора, при которой солнце еще не вышло, а луна висела полупрозрачным диском, окруженная блеклыми крупными звёздами.

Все урочища необъятного северного края ещё спали, укрытые снегом и льдом после долгой зимы, но признаки пробуждения становились всё отчетливее, всё смелее. Снег, плотный, слежалый, не был таким свежим, злым, колючим, как в новогоднюю позёмку. На обрывах земного полотна, крутых берегах реки или озера с южной стороны уже проглядывала земля. Ручьи, пока несмелые, поверх льда, уже набирали силы, разгоняясь к середине дня, пробуя голос, и замирали, едва журча к вечеру, словно в испуге, когда солнце пряталось за край вершин лесных угодий. Воздух оттаял от заморозки, стал гуще, и дышалось таким его настоем с наслаждением, глядя, прикрыв глаза, на набирающее день ото дня яркость светило. «Скоро, скоро оковы зимние падут», — думалось в такой момент и уже мечталось о зелени трав, деревьев, запахах нагретой и политой дождями земли, о легких одеждах и теплых вечерах на веранде с чаем и свежесваренным из ягод с куста вареньем на самом закате уходящего в прошлое дня.

С утра морозило. Александр Баранов прикрыв глаза и в тепле овчины, удобно вытянув ноги, размышлял об оставленных дома хлопотах и событиях последних дней. Думал о планах, незавершенных делах, о встречах по своему купеческому промыслу, по намечаемому расширению торговых домов. Финансовое состояние купца Баранова позволяло увеличить оборот закупаемого товара у промышленников и наконец-то выбраться на уровень крупного дела, отстроить добротный двор со

складами и лавками в Петрозаводске и подумать о развитии дела и в Петербурге. Об этом заботился Александр Андреевич, и было азартно провернуть задуманное, утереть нос некоторым недоброжелателям своим.

В воздухе, необычайно стылом поутру, густом от тумана, разносился запах конского пота и едва уловимый дух кожаной сбруи. Привычно тренькал бубенец под дугой лохматого трудяги-мерина, позвякивала упряжь, слышались гулкие удары копыт о плотный снег поверх ледяной дороги. Кони, укрытые попонами, были в инее: гривы, шерсть, ноги и кончики ушей серебрились, пушились, на просвет сияли кристаллами льда. Пофыркивая, лошади размеренно стучали о снежный накат зимней дороги копытами, обутыми накануне в кузне у Шароварова — знатного кузнеца в Каргополе.

Шароваров был колоритен: бородач, крепыш и балагур. Грудь бугрилась натренированными мышцами под ситцем рубахи, мощная шея уверенно держала, казалось, невеликую голову в кудряшках русых волос. Из кузни выходил на морозец в рубахе кузнец, и могло показаться, что лютый холод тушует, плавится, соприкасаясь с его большим пышущим жаром и здоровьем телом. Снежинки озорно кружились вокруг широких плеч богатыря, садились и исчезали, едва коснувшись, выдав бесчисленные микроны влаги на рубаху, делая её скоро влажной, облегающей могучие покатые плечи, грудь и слегка выпирающий живот. Снежинки опускались и на кудри и ресницы молодца и продолжали ещё жить несколько мгновений, раскрашивая напоследок и без того живописную фигуру крепыша.

Озорно оглядывая очередного клиента, Шароваров обычно шёл поговорить и с лошадью: приобняв за косматую шею, принимал к животному и что-то шептал личное, а похлопав по загривку и погладив конягу, успокаивал, устанавливал с животиной доверительные отношения. И только после разговора с лошадью, брался смотреть ноги, избитые о дорогу копыта северного трудяги. Оценив состояние копыт как плачевное, качал головой и начинал выговаривать мужику о том, что скотина тут не лошадь, а её нерадивый хозяин, ибо негоже так вот лошадку гонять без ограничений по ледяной или каменистой дороге без обуви доброй. Мужики не обижались — привыкли, лыбились смиренно, глуповато и почитали за честь получить нагоняй от кузнеца. Уважали, ценили, и что таиться — побаивались суда мастера, что мог и телегу починить, и ведро залатать, самовар отладить и так сковать цветок — лютик дивный, что не отличишь от живого, особенно, когда с пылу с жару горел огнём железный бутон. По этому поводу шутили:

— Иваныч, а блоху подковать сможешь?

— Блоху не возьмусь, а вот козу запросто, — смеялся, балагуря, Шароваров и сам, развеселившись, склонялся телом в смехе и хлопал огромными натруженными ладонями по коленкам, словно пытался взлететь.

А вскоре пропал козёл у Касьянихи. Та всё обошла — и овраги, и заросли вдоль реки, и перелески — нет живности. Решила было: задрали скотинку то ли псы, вечно голодные, то ли какие пришлые — народец безбожный, что шлындает в округе, без стыда и совести, растерявший веру в душе. Но ошиблась: вернулся козлик и так игриво «цоки-цок» выдал коваными копытцами по двору, усталому тёсом, словно солдат на плацу. Пригляделась, а у козла подковы миниатюрные новенькие на все четыре ноги. Шароваров потом рассказывал:

— Чу, слышу, кто-то у кузни шастает, топочет и скребёт чего-то. Выглянул — козлиная с бородой жуёт мою рубаху, что давеча повесил сушиться. Жуёт, мордой дёргает, корчит. Я взялся у него забирать — добрая такая косоворотка, а тот ни в какую — жуёт, глазища пучит и что-то речёт, как будто недовольный. Я рубаху вырвал — порвал всю поперёк, так он головёнку свою опустил и ну на меня с рогами и давай долбить. Поймал тогда я чёрта за рога, а он никак не утомонится, пришлось опрокинуть, уронить и стреножить мерзавца. А потом подумал, глядучи на повязанного паршивца, и решил подковать ради забавы и в отместку за испорченную рубаху.

Баранов усмехнулся, вспомнив тот курьёз и как Касьяниха костерила поначалу Шароварова, а потом гордая ходила, что только у неё есть подкованный козёл — единственный на весь Каргополь. А разошедшись, порой хвасталась:

— А может, и на всю Рассею один такой! — и пучила глаза, словно подковали не козла, а саму Касьяниху.

Обоз купца Александра Баранова шёл в направлении Петрозаводска с мороженной рыбой и остатками пушнины. Грядущая весна не располагала к торговле мягкой рухлядью, а вот рыбу брали охотно: хороша, сытна северная рыбка — сиг, лосось да нельма, а ещё щука в достатке да корюшка на любителя вдовесок.

Дорога по верному зимнику была скорая. Шла, петляла натоптанная твердь ледяная через озеро Лача и вела обозы северян-промысловиков с побережья и глубинки в места обжитые с рынками по выходным дням да праздникам. Весной же быстро ехать не выходило: часто лёд ветшал и лопался, и вода растекалась и накрывала полотно

дороги. Тогда могли быть серьёзные задержки да маята, поэтому ехали, осторожно глядя в даль и ожидая сложностей на дороге: где лёд просел и вода выступила, а где трещина открылась и ширилась.

Когда подходили к противоположному берегу, показался встречный обоз из трех санок, а поравнявшись с головными санями, пробираясь осторожно по рыхлому снегу обочины дороги, распознал Баранов в мужике, что сидел в полудреме за кучером, самого Мишку Маркова — своего давнего недруга. Мишка дремал, уронив голову, но кучер, как углядел Баранова, позвал хозяина и саданул его локтем, а сам взялся пилиться на проезжавшие мимо сани. Марков, разбуженный кучером, встрепенулся, выпростал из тулупа голову, словно тетерев во время гона, стал ею вертеть, вытянув шею, а разглядев своего соперника, долгим взглядом вперился в него, смотрел долго вслед так, что почувствовал адов огонь этого взгляда Баранов, казалось, и под тулупом. Захотелось настучать кулаком по этой настырной и неприятной роже извечного недруга. «Вот ведь леший, не ждал, не ведал, что встречу Мишку, — дурная примета!» — подумал Баранов, понимая, что приметил его Марков и теперь тоже сидит и чертыхается.

Так вот непросто сложились отношения у молодых каргопольских купцов, что вечно они были в противостоянии. Началось всё с детства ещё: росли на соседних улицах мальчишками и в затеях пацанских частенько сталкивались. Если в лапту играть, то только в разных командах, в казаки-разбойники — то и вовсе не только в противниках были, но в игре всё норовили друг дружку зашибить покрепче, по голове огреть да в коленку садануть. А когда повзрослее стали, голоса загрубели, начали женихаться, тут и вовсе пошла вражда, дело и до драк доходило. Если на масленицу сходились на площади парни в схватке при взятии снежного города, то непременно Мишка и Сашка были в разных командах и в куче и рубке не шутя каждый норовил подстеречь противника и как следует его приложить, извалить в снегу, влепить затрещину и напихать снегу за пазуху. А уж если кто одолевал в генеральной битве, то настроения было на всю масличную неделю — ходил гордый с заломленной на затылок шапкой и победно в глаза сопернику ухмылялся при встрече.

На масленицу как-то припозднился Баранов и когда явился, то увидел, что Мишка уже отметился: добыл приз с крестовины столба — яловые сапоги отличного пошива. Мишка ликовал, а завидев Баранова, взялся громко хвастаться. Что тут скажешь — умел Мишка ловко лазать по гладкому столбу, прилипал, словно клееный. Баранов не стерпел, скинул тёплый зипун, рубаху, сапоги и полез, зло про себя чертыхаясь. Когда уже почти добрался в горячке до крестовины, увидел, как Мишка кинулся за ним вдогонку под крики зрителей и скоро уже догнал, ухватил за штаны и потянул вниз. Баранов вцепился в столб, сплел ноги, и потянулся к мешку с призом, но Марков дёрнул за штаны, и те не сдюжили, порвались. Внизу народ заходился от смеха. Особо девчата с усмешкой поглядывали, посмеиваясь в платочки. Баранов изловчился и, оценив вероломность Мишки как недопустимую, пихнул его второй ногой в голову, и так, едва держась за столб, они свалились вместе под хохот собравшегося плотной толпой народа. Баранов вскочил и хотел уже врезать Мишке, как, по заведённому обычаю, обоих добытчиков потащили мужики в сугроб и извалили под развесёлые крики толпы, утихомирив забияк. Долго ещё носил обиду Баранов после той стычки с Мишкой, но забылось и это.

Так вышло, что запали оба парня на Матрёну, дочку купца местного Поликарпа Урываева. Красива была Матрёна, да несколько ветрена. Настолько ветрена, что кружила голову обоим парням, давая надежду каждому, так что сшибались порой за деревней, хватались за грудки, рвали рубахи, в ярости решая, кто более достоин быть рядом с ней на гулянии. А Матрёна всё посмеивалась, наблюдая нешуточное молодецкое состязание, и не давала ни одному, ни другому предпочтения. Гордилась девка таким вот противостоянием первых женихов городка. Так тянулось пару годков и стало даже привычным соперничество, но выросли молодцы, и набирала крепости вражда, набирала зрелости и молодуха.

На Ивана-Купалу, славянский Солнцекрес, пришлось Александру задержаться на рыбном промысле на побережье, а когда вернулся в город, то сразу дружок его Ванька Неустроев доложил, примчавшись во двор к Барановым запыхавшись, что спуталась окончательно Матрёна с Мишкой.

— Чё мелешь, дружок ты мой душевный! — сгреб Ванька и встряхнул Баранов, так что у того голова дернулась, как у куклы.

— Многие видели, вот крест, как на праздник обжимались да голубились, — забожился дружок, начертав рукой крест, и тут же зарёкся впредь таскать неудобные вести Сашке Баранову.

А потом вместе уже потешались над Мишкой Марковым, которого застал и прижал прямо на улице отец Матрёны. Прознал, видать, батя о шалостях дочкиных и

отхлестал Мишку вожжами так, что тот долго со своего двора не показывался — ждал, чтобы следы от вожжей сошли с лица. Но выходило так, что поздно батя Матрёнин спохватился: понесла гулёна-дочка, и пришлось срочно по осени гулять свадьбу. Не очень весёлыми выглядели на гулянье молодые — Матрёна, припухшая ликом, всё слезы норовила лить, а Мишка сидел, словно на кол угодил, и только косился на отца Матрёнина и, как заведённая кукла, кивал часто и испуганно. Тесть и вовсе сидел сумрачный, а оно и понятно, от чего: истый купец Урываев желал отдать дочь за кандидата на роль зятя, равного по капитальцу. Задумка эта была в приоритете, дабы сложить мощь купеческую, взяться и сообща вершить большие дела, помножив возможности. А на поверку приходилось с нуждой отдавать дочь за проныру без роду, племени и голому, как горбыль на крыше.

— Гол, яки тесаный кол, — сокрушался, выпив горькой, Урываев, уронив косматую голову, но вскоре смирился, как разбарабанило Матрёну и родила дочка купцу внученьку по весне.

Заматерела баба и на мужа смотрела как бы со стороны и надменно — знать, не до конца приняла суженого и норов свой показывала, ощущая себя свободной в помыслах и поступках. Случалось такое с поморскими женками, что порой и мужские обязанности тянут наравне с мужьями на промыслах, и весь дом с детьми на них, а от того и вольности им не так запретны, в сравнении с бабами средней полосы. А тут вдруг прозрела Матрёна, дошли отцовы наставления, что за неровню вышла, от неровни понесла — загордилась запоздало бабёнка.

Мишку тесть пристроил сначала приказчиком на прибрежном промысле. Мужик пропадал там неделями, а в путину и вовсе месяцами. Тесть правил торговлю и мотался то в Петрозаводск, то в Санкт-Петербург. Вот так и сладилось пока, но надрыв чувствовался между молодыми, да и отец не шибко зятем был доволен: всё ворчал, попрекал и старался сослать подальше с глаз долой.

Поднялся Урываев и вышел в первые купцы Каргополя после того, как случился большой пожар и выгорело поболее половины города. Дом Урываева на горе на берегу реки уцелел чудом, а сам Поликарп, как прознал — примчался из Петрозаводска и обомлел — дом его стоял как перст среди обгорелых дворов и печных труб, среди раздуваемого ветром пепелища. Чудеса на этом не закончились. Из Петербурга вскоре приехала комиссия от самой Екатерины Великой во главе с владельцем Олонецкой губернии Гавриилом Державиным.

Сам Гаврила, спустившись с возка, походил вдоль выгоревшей улицы, трогая палкой с набалдашником из серебра головёшки обгорелые, а переговорив с городским головой, дал распоряжение дело выправить и стройку начинать, чтоб до зимы погорельцы под крышей уже дневали и ночевали. Комиссия, оценив ущерб от пожара, объявила указ о выделении средств на обустройство сгоревших подворий, и закипела работа в Каргополе. Купцы наняли артели строителей, привезли мастеров со всей округи и взялись рубить дома споро да ладно. Удалось тогда и Урываеву ухватить подряды и крепко заработать. После такой вот двойной удаче резко поднялся купец Урываев и не забывал сходить на заутреню в храм Архангела Николая Угодника, отстроенный после пожара на пепелище прежней ветхой церкви.

Теперь же, отметив старания зятя, стал купец Урываев доверять ему торговые дела смелее, и стал мотаться Мишка в торговые ряды и править торговыми домами купца Урываева в столице и Петрозаводске. От такого вот разворота в Мишке поднялась уверенность, появилась степенность и даже властность. Побояивались приказчики, извозчики да грузчики молодого хозяина. Мишка, подражая тестю, частенько перегибал палку: мог в запале, задыхаясь от злобы, в зубы заехать и затрещину вклепить, одарить «лещом» мимоходом, рассчитать в скорую не глянувшегося ему работника.

Личная жизнь Матрёны и Михаила вершилась без потрясений, но явно и без огонька. Скоро стало известно о том, что новоявленный купец — мужёк Матрены завел зазнобу в Петрозаводске, и как будто там уже наследник на свет божий явился. В гневе теребил самолюбие своего зятя Поликарп, но добившись от зятя объяснений и самых что ни на есть откровенных извинений и заверений, успокоился и махнул рукой — будь что будет, главное, чтобы делом занимался исправно. А что баба на стороне, так это дело житейское, рассудил Поликарп, сам не безгрешный по бабьей части.

А Матрёна затаила липкую, как смола, обиду и взялась лелеять лютую месть в сердце. Ходила, высоко задрав голову на людях — типа всё мне нипочем, а сама ревела в спальне до полуночи, измочив не одну подушку, пребывая в одиночестве, пока Мишка был в отъезде. А наревевшись вдоволь, глядела в зеркало на заплаканное опухшее лицо, глаза красные и клялась себе, что отольются слёзоньки горючие непутевому муженьку... И однажды Мишка прознал, что жёнка его спуталась с Барановым.

В Петрозаводске дела сделал Баранов быстро. Рыбку удачно сдал в торговый дом, мех по ранней договоренности продал заезжему купцу, деньги получил и тут же засобиравшись домой: что-то гнало назад. С утра и тронулись. Ближе к Каргополю, на станции прослышал от знакомцев, что не вернулся из поездки Михаил Марков. Весь его обоз сгинул, а на озере, совсем близко от берега нашли опрокинутые сани, вещи раскиданные и околевшего коня с оторванными постромками. Все склонялись к тому, что ограбили купца, а тела Маркова и его спутников спустили в озеро.

Прошло время. Баранов и овдовевшая Матрёна решились быть вместе и взялись обсуждать своё положение.

— Ехать куда-то надо нам. Здесь уже толку не будет, — предлагал Баранов. — Нынче в Сибири открываются большие возможности для купеческого дела. Туда всё более народа отправляется: служивые, ссыльные, вольные поселенцы, и есть нужда в торговых домах. Из Сибири можно многое везти — меха, золото, специи, чай из Китая, посуду фарфоровую, ту же рыбу, оленину. Торговые пути там с востока совсем рядом. Знай вкладывая свой труд да деньги, и навар будет всегда. Промыслы ведут на морях восточных, на Камчатке и уже дальше заглядываются на Америку. Так что думаю попробовать и в новых краях начать своё большое купеческое дело.

— Боязно, Саша. Все же и дочка у меня. Не хочу её оставлять.

— Что же с вами поделаешь — поедемте вместе. И в Сибири люди живут и не худо. Что Сибирь? Да тот же северный наш край, только далее будет.

Перед отъездом обвенчались и отбыли в Новгород, а оттуда в Петербург, чтобы с обозом под казенным присмотром тронуться в путь, и осенью 1780 года Александр Баранов в возрасте Христа, с венчанной женой и приёмной дочкой, очутился в Иркутске.

2. ИРКУТСК

Сразу за рекой обоз, за которым следовал и тарантас Баранова, оказался в городе, преимущественно деревянном, с резными наличниками и высоченными глухими деревянными воротами. Эту особенность сибирских дворов — высокие плотные заборы и крепкие, словно крепостные, ворота — Баранов отметил ранее, проезжая через деревни и городки бесконечно долгого Сибирского тракта. На одной из станций в ожидании смены лошадей разговорились с почтовым курьером-ямщиком — крепким мужиком в плотном с капюшоном плаще поверх форменного кителя. Служащий сокрушался, что по Сибири ездить сложно — коли напасть случится какая, до хозяина двора через высоченные ворота не достучишься. Бывало, что и замерзали попавшие в беду путники у самых ворот, не добившись сочувствия хозяев.

— «Сдохнуть под забором» — это про эти, наши сибирские места, — усмехнулся горько ямщик.

— Отчего так?

— Так гонят по тракту в основном арестантов. Редко кто вольный с добрыми помыслами здесь ходит. А потому сторонятся да хоронятся от таких вот рабов божиих.

Из-за осенней распутицы Иркутск казался неухоженным. Радовали храмы, возвышающиеся над низкорослой убогостью большинства домов и строений. Колокольный звон разносился над городом и рекой, окрестными деревнями, что лепились к воде вдоль Иркуты и Ангары, создавая обширное предместье. У Ангары и в центре города было уже достаточно и каменных зданий. Иркутск насчитывал более тридцати тысяч жителей и более десятка тысяч дворов и домов.

Московский тракт вел в город по переправе Московского перевоза через Ангару. Перевоз связывал городское предместье с центром тупоносими карбазами. Баранов с интересом оглядел устройство карбаза — тяжёлой баржи с длинными вёслами и кормовым веслом-потесем. Баржа строилась незатейливо: к грузовой высокой прямоугольной площадке примыкала треугольная носовая часть, днища и борта судна обшивали досками. Карбазы несло быстрым течением реки, а переправщики, ловко и энергично орудуя вёслами, ориентировали карбаз острым носом навстречу течению и умело направляли тяжёлую судёнку от одного берега к другому.

Путники могли спуститься в каюты внутрь карбаза, хоронясь от свежего ветра, гулявшего на реке, но Баранов, отправив вниз Матрёну с дочкой, сам взялся с интересом наблюдать, как вокруг причала лихо снуют частники на лодках, зазывающие желающих переправиться налегке и подешевле.

По приезде обратился Баранов к своему знакомцу Григорию Шелихову, полагая, что пришлый из Рыльска купец сможет дать дельный совет и вновь прибывшему деятельному человеку. Шелихов пригласил работать у него, чтобы оглядеться и познакомиться с деловыми людьми города. Баранов такой вариант отклонил, ссылаясь на то, что всегда самостоятельно вел дела. Шелихов усмехнулся и одобрительно

покивал головой.

— Знаешь, мы тут с Иваном Голиковым и его племянником Михаилом учредили торгово-промысловую компанию. Хотим, знаешь, Александр Андреевич, шагнуть за пределы империи нашей в сторону Американского континента. На Камчатке пушной зверь уж не даёт высокой прибыли — что говорить, подвыбили, истощили племя звериное основательно. А от Камчатки на восток к берегам Америки тянется дугой гряда островов, на которых зверь нетронутый. Побережье американское тоже пока ждёт своего часа, не занятое кем-либо, полное до краёв зверьём. Так что планы великие у нас. Подумай сам: дело для тебя найдётся, со временем и в долю войдешь компаньоном.

— А Иван Голиков, он кто? Не встречал его в Иркутске.

— Иван Голиков большой человек и купец. Живёт в Петербурге, сам из Курска, где был даже главой города. А купеческие дела у него обширные, но в основном по питейной части. Ввозит коньяки из-за границы, производит спирт и ведёт обширную торговлю по всей Сибири. Занимается и пушшиной. Теперь он основной владелец акций нашей торговой компании, её главный руководитель. Здесь на месте правит за него племянник, которого он отправил для этого из столицы. Это Алешка Полевой. Мы с ним сошлись коротко. Парень он ещё молодой, любит покуролесить, картишки разложить, пображничать, а в дела сильно не вникает. Ну и ладно — нам это на руку, — Шелихов усмехнулся, глянул весело на Баранова и, довольный каким-то воспоминанием, разгладил бороду.

— Ты не гневайся, Георгий Иванович, я пока хочу сам попробовать заняться делами. Есть у меня несколько промышленных идей. Хочу обратиться к губернатору за поддержкой.

— Экий ты Змей Гордыныч, Александр Андреевич! Но знай, на новом месте оно всегда непросто дело начинать, даже мало-мальское дельце-затею. В Сибири, дорогой мой, народец собрался себе на уме.

— Я с севера, не из столиц сюда прибыл — сдюжу никак! А тебе поклон за поддержку. Может, и сладится у нас. А пока, не зарекаясь, попробую сам.

— Что же, братец, тогда тебе я не советчик. Но, как говорят у нас: коли налил чай — пей, не то остынет, а взялся за дело — делай без сомнений, глядишь, чего и выйдет. Но ты мне тогда прямой конкурент будешь, а потому — не обессудь.

— Думаю, не переругаемся, Григорий Иванович.

— Да уж! Хотя у нас здесь простор для деловых людей, каждому места хватит. Многие занимаются торговлей с Китаем, не брезгуем и лавки открывать, торговать водкою. Кто-то золотишком промышляет на севере края. Но основной промысел у нас пушной. Промышляем и местной, и привезённой из дальних мест рухлядью. Везём и с Камчатки, а теперь уж и из Америки, до которой от Камчатки «по-за огороду» рукой подать.

— Это что за такое — «по-за огороду», Григорий Иванович?

— Такой, знаешь, у нас маршрут наметился в Америку: не огибая Лопатку камчатскую, напрямки от берега моря по суше в Нижнекамчатск добираемся, а там собираем баркас, а то и коч лёгкий, и идём к островам, что меж собой зовём Алеутскими. Острова эти дугой тянутся чуть ли не от камчатского берега к берегу американскому. Так вот от острова к острову идём до большого острова Кадык. Он рядом с материковой сушию. Выходит такой маршрут часто надёжнее, с пути не сойдёшься, правда, удобно это, когда без груза идёшь. Здесь, сам понимаешь, по суше — по земле камчатской от моря Камчатского до океана без дороги да лошадок много не утащишь. А потому маршрут вокруг Камчатки крайне важен. Оттого и порт в бухте Авача следует развивать как место важнейшее на этом пути. Без крепкого порта на пути в Америку и тем более назад, восвояси, худо бывает.

— Отчего так, Григорий Иванович?

— Непрост этот путь для нас пока. Суда, отправившиеся из Охотска, никогда не доходят в тот же год до Аналашки, Кадыка — самых крупных островов у берегов Америки. Причин много: шторма да худые корабли, что строгаем из сырого леса. Опять же — отсутствие учёных навигаторов. А в сентябре уже море-акиян штормит, а потому, как настигает осень корабль в пути, ищут залив купцы с пологим, песчаным, мягким берегом или закрытую бухту, высаживаются и зимуют, пережидая период штормов. Живут порой впроголодь, в болезнях, в построенных наспех землянках, питаются битым зверьём и рыбой. Этого добра на побережье в достатке, но при обилии еды, тем не менее, болеют промысловики, мрут без доброго хлеба, овощей. Так до июля месяца порой терпят, ибо только с этого летнего месяца льды на Камчатском холодном море расходятся и, выброшенные на берег, остаются здесь таять до осени и следующей за ней зимы. Штормы к середине короткого лета успокаиваются, и начинается в здешних местах короткое холодное лето и безопасное плавание. С наступлением лета судно стаскивают на воду и плывут дальше, достигая островов Уналашка и Кадык, если всё

удачно складывается с попутным ветром, уже к осени. Бывали, представь, Александр Андреевич, случаи, когда суда терялись на просторах океана и приходили в порт на Кадьяке через два, три, а то и четыре года. О таких уже и позабывали, памятуя лишь о пропаже русских людей, а они тут как тут — вдруг возвращаются. И радостно это, а бывало, и странно и нелепо: груз утрачен, всплывают долги да претензии, так что порой вернувшиеся и не рады были, что нашлись. Спрос за утерянный, стубленный товар бывает таков — словно удавка на шее. Случалось такое, что суда носились в море по месяцу и по два, не зная, в какой стороне у них суша. Мореходы тогда доходили до крайности от недостатка пищи, а ещё более нехватки воды. От голода съедали свои сапоги и кожи, которыми обвертывали такелаж, и ждали дождя, молясь и прося небеса о влаге.

Приключались с мореходами и совершенно необычные истории. Одно судно, пустившись от Камчатки к Алеутским островам, потерялось и зашло далеко на юг, гонимое попутным ветром. Но когда в ноябре стало уже нестерпимо жарко в южных широтах и возникло чувство, что несёт их в дышащую жарким огнём пасть южного чудища, мореходы, мучаясь от отсутствия воды, решились положиться на волю божью. От безысходности вынесли на палубу образа Богоматери и взялись молиться все хором, призывая внимание господ к их горестной судьбе. И чудо свершилось! Через некоторое время полил дождь и задул южный ветер, который не стихал более двух недель: подхватил южак судёнышко и понёс на север. Так, следуя в северном направлении, они оказались в широтах острова Афогнак, что уже недалеко от Кадьяка, на коем вскоре и были обнаружены людьми с русских колоний, прибывших на остров для промысла.

Другой случай был с судном, которое носило по морю так долго, что всем уже казалось, что они или у Японии, или Америки. И тогда, увидев пологий берег, решили на него «взойти», что значило просто выброситься, направив судно на берег по крутой волне. И так счастливо «взошли» тогда на берег, что судно осталось целым, а морские валы и вовсе не достигли уже посуды. Так и сидели, покада не появился на берегу океана солдат расхристаный, но с ружьём. Мореходы затаились, приготовились отбиваться, ружьишки выставили. Солдат в ответ поначалу схоронился за бутром песчаным — взялся приглядываться, а затем осмелел и, к удивлению скитальцев, заговорил с ними по-русски и объявил, что они высадились на берегу камчатском и рядом с Большерецком. Тут все загалдели, вышли обниматься со служивым человеком и попросить помощи. Подошли солдаты местного гарнизона и спустили судно снова на воду. Мореходы поправили такелаж и пошли вдоль берега по назначению.

Ещё случай вспомнился и вовсе из разряда удивительных. Носились по волнам купцы, не сохраняя курса месяца два, и когда увидели скалистый берег, то решили оставить корабль на якорях и сойти на сушу, чтобы пополнить запас воды и просто отдохнуть от выворачивающей нутро качки. Удачно высадились, а на второй или третий день разыгралось на море такое представление, что на глазах страдальцев судно их сорвало с якорей и унесло в море с глаз долой. Остров, на котором оказались промысловики, был скалист и малопригоден для долгой жизни. Не было на нём и леса, чтобы построить какое-никакое суденышко. Да и чем было строить-то неказистую посудинку? Оставалось одно — ждать гибели и молиться. Молились от безысходности, а как-то под вечер вдруг увидели корабль, что шёл к острову. Давай его звать кострами, а с корабля ни звука, ни огонька. А когда разглядели, то убедились, что Бог есть и вершит свою волю, спасая страждущих, — к острову несло их потерянное судно. Тут уже сподобились, быстро сели в шлюп и кинулись к нему на встречу, не жалея жил. Настигли судёнышко, забрались на борт и развернули родимое свое прибежище, сродни Ноевому ковчегу, которое разыгравшийся шквал нёс прямехонько на прибрежные скалы.

— Бедовое у тебя дело, Григорий Иванович! Но чего ради так упираешься, с риском великим дело ведёшь? Неужто здесь у Байкала нет, чем заняться иным — спокойным, благопристойным? Здесь и промыслы таёжные, и рыбные угодыя. Можно, я слыхивал, вести горный промысел: золотишко добывать.

— Эх, Александр Андреевич, ты бы видел те края обильные и прекрасные! И потом, это все ради Отечества стараюсь. Хочу выстроить в дальнем крае, на другом континенте колонию Славороссия. Звучит-то как! Имеется у нас Белороссия, Малороссия, — будет и Славороссия! Но чтобы нам укрепиться на американской земле, надобно на юге выстроить колонию по обеспечению северной территории продуктами, прежде всего хлебом. Пока же только поставками спасаемся из России, а это дело долгое, рискованное, а потому часто колонии живут впроголодь.

Из разговора понял Баранов, что большие дела делает Шелихов, строит далекие перспективы освоения новых рубежей Отечества. Планирует миссию среди алеутов, местных индейцев кониага и тлинкитов-колошей, дабы обратить их в православие

и сделать подданными России. Трёх мальчиков, рождённых алеутками от промысловиков, отправил Шелихов учиться навигации в Петербург.

Он считал необходимым исследование побережья в устье Амура с целью постройки незамерзающего порта для налаживания торговли с Южным Китаем, Японией, Кореей и другими странами региона. В устье могучей реки уже заложили обширную избу, чтобы можно было причалить и остановиться.

Для освоения дальних рубежей и добычи морского зверя, ловли рыбы ставилась цель заселить промышленными людьми Сахалин и острова Курильской гряды. В планы компании Шелихова входило также снаряжение экспедиции по Ледовитому океану от устья Лены до Берингова пролива для налаживания морского пути на Камчатку и в Америку. Этот путь был более рациональным, так как проходил по рекам и далее морем. Но следовало серьезно изучить движение льдов и их состояние в прибрежной зоне, чтобы организовать доставку товаров.

Предстояло наладить торговлю с испанской Калифорнией и с недавно возникшими Соединенными областями Америки и, конечно, развивать и расширять колонию на американском берегу. Для поездок на восток и доставки грузов к морю планировалась постройка дороги от Иркутска до реки Лены, станций и причалов на всем пути от Иркутска до Якутска и далее до Охотска.

Планы были грандиозные, и возник соблазн взяться вместе с Шелиховым за общее дело, но решил-таки Баранов попробовать сам вести купеческий промысел. Обосновался с семьей в свежесрубленном доме у самой Спасской церкви, старой и величественной. Рядом с домом, в подворье Баранов выстроил склад и тут же открыл лавку под попечением Матрёны, чтобы не скучала да копейку лишнюю заработала. Та взялась с интересом, прикупили товару у местных купцов оптом, и скоро лавка Баранова стала популярна. Тянулись к Матрёне покупатели, оценив и обхождение, и умеренные цены.

3. КЯХТА

Обжившись в Иркутске, заведя знакомцев, наслушавшись от иркутян об особом торговом месте, решил купец Александр Баранов посетить Кяхту. Выручка, добываемая на Кяхтинском рынке, определялась разницей в стоимости чая в России и здесь, на далекой окраине. Разница эта — чистейший барыш — была столь велика, что только питейное заведение могло с ним поспорить по выгоде.

— А отчего место называют это пыреем? — спросил Баранов, впервые услышав о Кяхте от своего соседа.

— Пырей, он и есть пырей, — сосед Баранова, незадачливый купец в прошлом, а ныне потерявший себя в обществе забуддыга, скривил в размышлениях губы. — Место то пырейным зовется — знать, заросло пыреем-то. Сказывают, как казаки прибыли ставить крепостицу Троицкосавск на границе с китайцами, шастали по окрестностям, высматривая удобное место, так у коней все хвосты пыреем забило. Ругались, хвосты конские вычесывая да подрезая, а местные буряты смеялись над ними и сказывали, что это место так и зовется по-бурятски — Кяхта, что и значит пырейное место. Заросли там этой приставучей травы несметные. А Троицкосавск — он рядом с Кяхтой.

— Хочу вот съездить, глянуть, прикупить товару, своего доставить, что заваялся уже на складе: меха беличьи да соболиные не идут что-то в расход — как бы мошь не побила. Поеду — сдам, а на вырученные деньги куплю чай, специи. Сказывают, можно хорошо заработать, если отправить в Москву и Петербург хотя бы и оптом.

— Оно знамо так. Местные купцы на том и живут, церкви ставят, дома в столицах.

— Вот и я схожу на Кяхтинский рынок, как Ангара после Рождества встанет.

— А сходи. Токмо держи на уме, у Кяхты бедуют разбойники. Так что один-то не езди, бери попутчиков с ружьями, да сам не пустой будь — какой-никакой пугач-то прихвати.

Выехали после крещенских морозов, собрав обоз в несколько санок, и ходко пошли по льду Ангара меж крутых таёжных берегов в сторону Байкала. Нанятые Барановым ездовые на трёх санках, гружённых товаром, справлялись и тянулись за его возком, снаряжённым для дальней дороги овчинной подстилкой, тёплым тулупом и раздвижным верхом. От ветра и снега можно было схорониться под тулупом: в его тепле, под мерное покачивание санок, засыпалось легко, как-то без сомнений и угрызений совести, что валяешься без дела. Так можно было проспать несколько часов кряду. «Вот интересно, — подумал Баранов, — в дороге жизнь как-то течёт иначе. Всё же путь, смена позиции, добавляя новизны, радует сердце. В чём тут загвоздка?»

В возке Баранов разместился с приказчиком Петром Савёловым, принятым на службу после увольнения из гарнизона по болезни, где служил при интенданте унтер-

офицером. Тут же разметили и поклажу.

Дорога была ровной и наезженной, но к обеду вынуждены были сойти со льда на лесную дорогу, что извивалась по берегу. Со слов местных мужиков, повстречавшихся на пути, сразу за деревней начинался обширный зажор, и пористый лёд дыбился под натиском воды. Пришлось умерить пыл и двигаться с оглядкой по лесной дороге, на которой санки вязли, кони выбивались из сил, едва отклонившись от укатанной тверди. Так едва-едва к ночи добрались до берега Байкала — деревни Лиственичной, где и заночевали. Деревня лепилась у самого истока Ангары, прижатая к озеру высокой крутой скалой.

С утра пораньше, миновав последние вёрсты, вышли на обширный, но коварный лёд сибирского моря: трещины и нерпичьи норы — пропарины — усложняли, делали опасным путь. Пару раз видели у торосов нерп. Животные чутко определяли расстояние до объявившейся опасности по звуку копыт о лёд; как только сближались санки с ними на опасную дистанцию, тут же ныряли в лунки, растворяясь среди заснеженного ледового поля, как будто их и не было.

Байкал радовал простором, гулял свободно ветерок. Воздух был прозрачен, лёд местами едва припорошен снегом, а вдаль виднелся противоположный берег, вздыбившийся величественными и заснеженными на фоне голубых небес горными отрогами. Дорога вела и звала вперед, изредка петляя: обходила торосы, порой уводила далеко в сторону, чтобы обогнуть гряду торчащих ледяных глыб и крупные трещины. Катились санки легко, и казалось, так можно ехать долго-долго, позабыв и о цели поездки, и об ожидающих решения проблемах, а только наслаждаться простором, промороженным воздухом и открывающейся перспективой: душа отдыхала, отпустив заботы.

— Давай пошла-а! — разносилось изредка от кучера, и в морозном воздухе едва уловимо струился конский дух, а на удары кованых копыт утробно отзывался лёд озера. Конь шёл бодро, твердь дороги, гулко ухали копытами об лёд, высекая белёсые на просвет ледяные осколки. Байкал вздыхал, и было страшно представить, какая глубина озёрной стылой воды под ними подпирает ледяную «столешницу», которая и являлась полотном дороги.

«А вдруг как откроется провал?» — думалось порой, и становилось немного страшно. Но привыкает человек и к опасности, и ко всему, что угодно, и летит вслед за мыслью своей бесстрашно, а свершив порой немислимое, многотрудное, вдруг удивится себе: «Как так он на всё решился, всё преодолел?» И не найдя ответа, гордится собой, а на вздохи близких и слова посторонних о безрассудстве только ухмыляется.

Байкал зачаровывал и был невероятен и летом в любую погоду, а зимой и вовсе поражал. Вот что там в этой стылой глыбе такого? А смотришь в неё, и не оторваться — очаровывает, завлекает. Впереди в далекой дымке громоздится горная гряда, к которой лежит дорога, а позади строчкой, словно начертанной быстрой нервной рукой на бумаге, берег покинутый. А под тобой — вода в тыщу верст, укрытая кожей хрупкого в белёсых пузырях и трещинах льда, прозрачность которого такова, что словно и нет никакой поверхностной тверди, а сразу стылый жидкий мир, населённый рыбьим народцем.

К вечеру добрались до почтовой станции Мысовой на противном берегу озера, к самой подступающей к воде заснеженной тайге, где и заночевали на постоялом дворе у трактира, определив в тепло и лошадей. Здесь в трактире тёрся народец: выпивал горькую, заедал капусткой, гадел спьяну, густо стоял запах жареной и всякой иной рыбы. Подавали пельмени в наваристом бульоне, под который пошла отлично стылая водка. Баранова после морозца и водки слегка развезло, и уже в благодушном настрое он смотрел вокруг, не забывая упрятать кошель с деньгами поглубже. История эта известная: чуток раскис купец, тут же обнесут завсегдатаи, ведь тем они и промышляют. Обошлось, слава богу, без потерь, и, надышавшись вольного ветра, уснули легко и спали глубоко.

Попутру раненько тронулись снова в путь уже по берегу Байкала, всё отдаляясь от него на юг. Густая тайга сменялась редколесьем, и уже на подходе к Кяхте местность предстала переменчивая: лесные массивы сменялись степным пейзажем. За время пути ещё дважды заночевали на станциях с постоялыми дворами и, используя ясные денечки, по укатанному зимнику по легкому морозцу доскочили ходко до Кяхты за неполные три дня.

— Погода подсобила, — подвел итог пути ездовой Михей, довольный, что благополучно добежали до Кяхты, не замерзая в пурге заметённые до макушки, не повстречав недобрых людей, да и кони все здоровы, подковы на месте, а конец пути близок.

Кяхта — место, где сходятся российская глубинка с ярким и богатым востоком, со степями монгольскими, ветрами жгучими с едким колючим снежком, — встретила путников звоном колоколов всех церквей, которых настроено было здесь достаточно.

— Полдень, однако, — отметил время прибытия Баранов.

— Чудят купчины, — вдруг разговорился в ответ ездовой Михей, вспомнив предание о том, что с ума сходят от избытка денег местные купцы и кутят без удержу, жизнь прожигая, а очухавшись или «хватив Кондрата», хворь, и свалившись с ног от болезни, начинают отмаливать грехи, отваливая миллионы на благоверные дела, на приюты, монастыри и постройку церквей.

— Оно так, ибо познавший боль, отчаяние, мудрее благополучного, — поддержал разговор Баранов, припомнив свою многолетнюю вражду с Мишкой Марковым, которая теперь казалась пустой погребушкой. Мир так широк и глубок, что, разойдясь в стороны, можно найти всё, что нужно душе и плоти, и ссориться, биться в кровь вовсе не требуется для этого.

Рынок в Кяхте обширен: тут тебе и ряды тюков с чаем и пряностями высотой в несколько метров, протянувшиеся на сто сажений, посуда яркая тонкого, звонкого, прозрачного на просвет китайского фарфора, ткани и шелка рулонами. Рядом с рынком толклись и лежали вольготно равнодушные ко всему верблюды, на чьих горбах всё это добро прибыло из Китая. Порой пустынные враждовали меж собой, кусались и лягались, а успокоившись, вновь флегматично пожевывали солому и оглядывали мир свысока с некоторым природным своим надменным выражением, в котором сквозило не прикрываемое презрение к окружающим. Погонщики верблюдов и грузчики, так похожие друг на дружку чёрными от солнца и снега лицами, в драных до исподнего халатах, ношенных-переносимых расквашенных сапогах, потерявших давно вид, в косматых шапках вида чудного, не российского, что-то вечно жуют и сплевывают со вкусом на истоптанный снег.

Здесь среди шумных рядов торговцев, в атмосфере делового столпотворения ощущалось мощное дыхание великой степи. Через говор странный, непонятный и даже отталкивающий, дикие взгляды, вспышки гнева и чужие запахи приходило понимание безграничности мира, и Баранов ощущал, что ему интересно, его влечет дальше — может, на восток или юг. Влечение это от ожидаемой новизны впечатлений — хотя бы вот таких, как эти новые для него образы и виды, было столь велико, что он несколько оторопел. «А может, чертушка подсуетился, лешак хлопчет и зовёт вдаль?» — мелькнула мысль, и Баранов усмехнулся себе, отчего-то вдруг уловив остро призыв заглянуть вновь за горизонт, чтобы воочию увидеть и разглядеть иную перспективу, другой уклад жизни. Тут же вспомнил Баранов и Шелихова, его призыв отправиться в Америку.

В Кяхте Баранов удачно оптом сдал товар, закупились тут же, не торгуясь, чаем и специями — перцем, приправами и отправил в Иркутск под охраной добытое добро. Такое вот дело практиковали купцы: оплачивали вскладчину обоз с парой десятков возков да отправляли под охраной до Иркутска, и было это надёжным делом — доброй защитой от разбойников. Многие купцы и сами в своих возках пристраивались к обозу и без приключений добирались до родных дворов вместе с добытым товаром.

Баранов же, ощутив призыв несколько развлечься, чуток решил повременить, пройтись по домам, в которых принимали заезжих купцов, играли в карты, в редкостный ещё для России бильярд. В домах принимали, угощали напитками, и, оказавшись среди дам, обильно распространяющих ароматы духов и напудренных тел, Баранов позволил себе и флирт, и шумную беседу среди таких же, как и он, приезжих купцов. Обсуждали шумно под выпивку политику и то, как далеко Сибирь и как сложно здесь, при таком-то безлюдии, развивать дело, строить заводы, верфи и вести большую торговлю. Дамы от господ купцов не отходили: лепились, не давая проходу. К утру проигравшихся купцов уводили на постоялый двор спать, остальные разбрелись в обнимку с доступными барышнями, уставшие, потные, словно грузили всю ночь баржу зерном, и отсыпались до обеда.

После трех дней ночных мучений, разгула, несколько отдохнув душой от напряжения повседневности, Баранов дал указание Михею готовить санки, коней в поездку назад домой.

4. ТАЛЫЦЫ

Хотелось Баранову основать в Сибири свое предприятие. Чуял Баранов нутром, что дело нужно ставить, чтобы не только торговлей, перекупками делать капитал, а создавать производство, которое будет стоять на ногах крепко, развиваться, давать работу десяткам людей, словно кедр сибирский — раскидистый, коренастый, усыпанный по осени шишками размером с добрый кулак. Желал Баранов быть хозяином на своем многолюдном подворье, развивать дело промышленное, а не суетится только по торговым делам, таясь, отсчитывать барыш и колдовать над кубышкой.

Он много думал над этим, но пока далее намерений дело не шло. Хотелось много.

Тут тебе и верфь корабельная, чтобы флотилию запустить по Байкалу, и занятие по доставке товаров рекой и по озеру, рыбная артель с засолкой рыбы прямо на берегу у истока Ангары и дело строительное. Новая затея объявилась и обрела черты проекта, как часто это бывает — нежданно-негаданно: видимо, время пришло, и нужда в этом деле стала насущной.

Направлялся как-то Баранов к Байкалу по тракту через тайгу вдоль Ангары, по её правому берегу, чтобы ещё раз оглядеть проект пирса для будущей своей торговой флотилии. По пути заехал Александр Андреевич в придорожный трактир перекусить, ибо до места успевал добраться он только к вечеру. Отдав лошадей с бричкой на попечение местного конюха, вошёл в заведение. Трактир был почти пустой — пара загулявших мужиков добивали чекушку, а у окна сидел человек странного несколько для здешних мест обличия. По одежде и манере держаться вовсе не походил он на местных крестьян, работных людей или купцов. Человек неспешно трапезничал и поглядывал через мутное запыленное слюдяное оконце на улицу. Разглядеть что-то за окном было сложно: слоёная мутная слюда пропускала тусклый свет, едва освещающая стол и сидящего у стола незнакомца. Незнакомец был не молод — старше Баранова годов на десять, гладковыбритый, в старом потрепанном мундире, коротко, неровно стриженный, словно после болезни. Глаза внимательные, пытливые, с искоркой.

«Бывают же такие люди интересные: при внешней невзрачности, стоит глянуть на лицо, словить свет глаз, и сразу меняется впечатление», — подумал Баранов. Примеченный человек также отметил вошедшего купца и, кивнув в ответ на приветствие, пригласил к своему столу. Баранов уселся напротив на лавку, заказал щей со свининой, стопку водки. Заговорили о вещах общих, о погоде и кто да куда держит путь. Говор незнакомца выдал в нем сразу человека нерусского. Таких Баранов встречал много в Петербурге и Петрозаводске и решил: «Пришлый с Балтики».

— Эрик Густав Лаксман, — с лёгким акцентом представился мужчина и добавил, смущенно улынувшись: — Но зовите меня Кирилл Густавович, так за мной закрепилось здесь в Сибири. Я в сибирских краях уже более десяти лет: жила на Алтае, в Горной Шории, вот добрался до Иркутска, есть планы побывать на Камчатке. Здоровья бы только хватило, но рассчитываю на своего сына Адама. Закончил он нынче кадетский корпус в Петербурге, получил офицерский чин подпоручика и подал прошение о направлении в Охотск. Вот к нему я и желаю отправиться, чтобы из этого порта уйти на Камчатку, посмотреть и Америку. Слыхивали, как там развернулся купец Шелихов?

Разговор зашёл и о Байкале, и о богатстве дешёвых мест, и скоро выяснилось, что Лаксман в Иркутске недавно и задумался об открытии здесь стекольного завода. Как он понял сам, есть знатная нужда в городе в стекле: и оконном, и всякой посуды — от бутылей до склянок мелких. Для окон порой стекло вовсе найти невозможно, так что окна закрывают слюдой, а то и шкурами откидными, пузырями рыбьими. Разве ж это годится, чтобы даже в знатных домах окна были словно бойницы у крепости — малые да тусклые.

— А потянем дело стекольное поперек слюдяных дел, кои в Иркутске процветают? — заинтересованно справился Баранов.

— Добывают добрую слюду на Витиме и на севере у Байкала в шахтах. Прозывают мусковитом. Везут её издавна и в Москву, оттого и прозвали мусковит. Промысел в Иркутске по изготовлению слоеватых окон развит. Вставляют в медный переплёт пластины мусковита. Дело несложное, и мастерские без работы не сидят. Слыхивал, добывают слюду и у речки Похабиха, что недалеко от Иркутска, в предгорьях на Байкале. Местечко прозвали Слюдянка — как раз по востребованности. Съездил, глянул тот промысел. Слюда там не та, чтобы делать хорошие окна: мелковата, не прозрачна — иного типа, не мусковит. Так что если песок для стекла добывать здесь близко от города, то стекло выйдет вполне пригодным и выгодным промыслом, ибо и по цене будет сопоставимо, а по качеству стекло всегда прозрачнее и прочнее слюды, — Лаксман понизил голос и склонился к Баранову: — Такая у меня есть задумка — открыть завод и плавить стекло по моему рецепту, доселе неведомому для промышленников. Я занимаюсь химией, минералогией, и есть у меня свой рецепт для варки стекла из кварцевого песка, и я бы хотел свою идею воплотить в производстве стекла. Посуда, бутылки, оконное стекло — так нужные для Сибири. Знаете, я и песок кварцевый, замечательный для производства стекла, нашёл недалеко. А главное, — здесь Лаксман совсем зашептал, словно опасаясь, что кто-то подслушает секрет, — придумал свой новый состав стекла и хочу попробовать своё открытие применить в деле. Но губернатор пока не одобрил план, а главное, нет денег для реализации задуманного. Местные купцы или отказываются сразу, или предлагают такие условия, что желают задарма забрать всё в свои руки. А самое неприятное — насмеваются, твердят, что это всё мало стоит, ибо Сибирь — место гиблое.

— Гиблым любое дело и место делают люди! — рассердился вдруг Баранов. — Тру-

дится нужно с усердием, малость — на время — забыть о прибыли, а думать о деле, вот тогда и будет толк, и навар появятся. Не возьмут в ум купчины, что штука не в деньгах вовсе, а в разумном участии во благо.

Баранов сразу поверил новому знакомому. Была в Лаксмане заметна неподдельная увлечённость делом, которая сразу показывает суть человеческую. Было сразу ясно, что не прохвост этот обрусевший швед, ибо неподдельно горели глаза, когда он рассказывал о своём проекте производства стекла.

— Возьми меня в компаньоны, Кирилл Густавович. Деньги у меня имеются, и главное, давно желаю открыть производство, чтобы было своё дело — основательное, нужное. Стеклом я не занимался, но идея мне кажется стоящей. Ведь и правда, стеклянная посуда в Иркутске дефицит. Короба и туеса из бересты и деревянные лохани да бочонки проблемы не решают. Нужны стеклянные бутылки, пузырьки разнообразные. Вот, например, для разлива той же водки. А что касательно стекла оконного, то и вовсе, как ты сказал, с ним беда.

Лаксман оживился и стал рассказывать о том, что имеется недалеко место, где есть залежи чистого песка, годного для изготовления стекла, и тут же предложил поехать и всё осмотреть. По дороге поведал, что долго вел поиски, двигаясь вдоль Ангары, и нашёл, что нужно, у дороги на Байкал. От места, где отличные залежи кварцевого песка, до города вёрст сорок, а до Байкала и того меньше.

Местечко это и правда оказалось недалеко от города и, что особенно удачно, на берегу Ангары. А песок залегал рядом с небольшой речкой Тальца, что сбегала по таёжному склону по распадку до реки, где у самой воды образовывала болотце. Вдоль русла, по обе стороны, всего-то в паре верст от берега залегал столь нужный для производства песок. Баранов сразу опытным взглядом оценил местность, представив и будущий причал на реке, и насос для подачи воды из реки, и само производство, которое следовало построить на берегу рядом с причалом.

— Место дивно удачное, Кирилл Густавович! Лучше не сыскать. На реке можно поставить со временем плотину, пруд организовать, выстроить мельницу. Зерно будем молотить, пекарню организуем для своих нужд да на продажу. А песок к заводу доставлять под горку будет очень удобно — много сил не потребуется, — взялся планировать Баранов, сразу загоревшись новым проектом.

Компаньоны ударили по рукам и уже через год взялись делать первые попытки изготовления стекла. Лаксман с огромным воодушевлением проделывал опыты, заменив в традиционном составе исходной смеси для изготовления стекла поташ на глауберову соль, что снизило затраты на производство.

— Вот так, Александр Андреевич, не нужно заготавливать и выжигать лес, достаточно иметь запасы каменной соли и серной кислоты. Это всё можно закупить, и наше производство будет работать без вырубki леса. Соли недалеко от Иркутска достаточно. Место такое есть Усолье. Так там соль добывают.

Новому губернатору Якоби и представили свой проект стекольного завода Баранов и Лаксман. Более ранние попытки заручиться поддержкой предыдущего губернатора Клички не увенчались успехом. Дело затянулось, утверждения не получило, как и поддержки от власти. Якоби, как человек более смелый и деятельный, желая отличиться в самом начале своей губернаторской карьеры, изучив представленный проект со всеми деталями, замысел поддержал, тем более что к проекту приложили и несколько изделий из тальцинского стекла. Стакан и столовый прибор из стекла, полученные в подарок, губернатор тут же установил на стол в своем кабинете и был доволен, что его деятельность в Иркутске сразу начинается со значимого дела.

И действительно, скоро предприятие, ещё до конца не отстроенное, стало давать изделия из зеленоватого с красивым оттенком тальцинского стекла. Скоро наладили выпуск и первой продукции для продажи: бутылей, пузырьков и другой дефицитной посуды в Иркутске. На завод, прознав о новом товаре, потянулись купцы закупать стеклянную тару. И по Иркутску, и в дальних поселениях пошла слава о новом производстве.

Новому селению дали название Тальцы по имени речки, что спускалась с таёжного уклона и пополняла ангарские воды. Когда задымили избы первой улочки деревни, задумались и о храме. Скоро на высокой точке над великой рекой выросла часовня, зазвенели колокола: так у деревни Тальцы появился свой голос. Теперь плывущие по Ангаре на судёнах купцы и народ служивый могли слышать раскаты колокольного перезвона, а услышав, поспешно скидывали шапки и кланялись, крестясь в сторону деревни. Так с новым производственным и коммерческим начинанием на диких берегах поселилась и светлая вера, и глас божий. К новой церкви направили и батюшку, и тот, совмещая тальцинский приход с приходом у Николы, взялся править веру, порой качая головой: всё же справиться со староверами да каторжными было непросто, но не уставал повторять батюшка Никодим, наставляя нерадивых прихожан:

— Важно это: пришел ты в церкву, монастырь ли и можешь с души сбросить кольчугу-то, дать душе дышать свободно, тихо и чутко к велению Господню. Как без этого? Черствеет душа, блудит в испуге без господнего сопровождения.

Одна беда преследовала любое начинание в Иркутске: не было рабочих рук. Сибирь заселяли ссыльными, а вольных поселенцев здесь водилось очень мало — душила развитие страны крепостная неволя. Вот и на завод пришлось выпрашивать ссыльных каторжан с разрешения губернатора. Губернатор рассмотрел прошение и дал разрешение для поселения вблизи завода под строгий контроль двадцати ссыльных из Нерчинска.

Добиться порядка с подчиненными каторжанами было сложно. Тяжелый, дремучий народ, одичавший на каторге, жил по своим, часто воровским, сутяжным правилам, и перво-наперво пострадал сам Лаксман. Не доглядел Кирилл Густавович, а когда спохватился, обнесли его каторжане: вынесли из дома вещи, посуду. Виновных быстро нашли, ибо, продав часть имущества, тут же напились и устроили безобразную драку меж собой, деля наворованное и ещё не распроданное имущество учёного мужа. Пришлось зачинщиков отправить назад в острог, а оставшихся строго наказать, определив скудный рацион и работу под строгим надзором.

С каторжанами подобра договориться не выходило. Добивались бывшие воры и убийцы не мытьем, так катанием каких-либо послаблений для себя, выпрашивая подачку, но работать с умом, с отдачей не спешили, а норовили что-то стащить и порой просто испоганить дело в отместку на замечания и упреки. Взялся было Баранов наводить порядок строгостями, но высоченный лохматый и уже седой Вагула, отправленный в кандалах из Малороссии, шепнул Баранову, чтобы тот не усердствовал по поводу жестких наставлений, а не то бедой обернутся все его усилия. Угрозы Вагулы были реальны — сжечь усадьбу для них было делом пустяшным.

Поразмыслив над складывающейся ситуацией, которая грозила делу провалом, Баранов вспомнил, что на пути в Кяхту проезжал за Байкалом деревню семейских. Строгие нравом, набожные аскеты, переселенцы из России, сохранив свой церковный обряд вопреки принятому по указу Никона, отличались суровостью нрава и были предельно честны. Поехал Баранов к семейским и предложил общине рассудить предложение о работе на стекольном заводе, чтобы пригляд был за заводом и людьми, что работали на плавке стекла и на пристани. Семейские собрались на сход и долго рядили, стоит ли вступать в это дело, но нашли желающих работать на заводике и жить в Тальцах, а община дала на это согласие.

Для рабочих возвели жилье, и уже через год местечко выглядело, как обжитое, и вокруг стали появляться дома тех, кому более нравилось строиться не в городе, а на берегу реки в отдалении. Пошли дела ладно у Баранова с постройкой завода. За несколько лет разрослось предприятие, продукцию везли на баркасах в Иркутск по Ангаре. Скоро расходилась стекольная продукция по всей округе, объявилась она, как экзотика, и в Москве, и в Петербурге, и в других городах за Уралом, или Каменным поясом, на Волге, Оке и Каме-реке.

Требовалось для Иркутска и сибирских поселений изготавливать оконное стекло, и эту потребность разглядел Лаксман. Востребованность изделий из стекла, при разумной их цене, оказалась очень велика. Закрывали оконные проемы дорожным, привезенным из России, те, кто мог себе позволить платить втрое, а простой люд удовлетворялся слюдой с приисков на Маме-реке и Чуе-реке.

В этих местах народ взялся добывать слюду по качеству очень хорошую — прозрачную на просвет и больших размеров, порой до царского размера пластины — в аршин. Размер такой позволял большое окно четырьмя пластинами закрыть, имея переплёт в виде квадрата. Из слюды научились делать красивые резные витражи, и было всё обыденно и привычно, но когда в Тальцах взялись катать стекло ангарское да изготовили первые рамы для образцов — местные восхитились. Всё же не отнять у стекла его прозрачности да гладкости и возможности раскатать полотно больших размеров, порой и до двух аршин. Стекло, не в пример слюде, пропускало свет обильно, и в домах светлело, а оттого светлело и в душе, и за это качество народ был готов платить без сомнений добрую цену. Шутили иркутяне: «Осветил горницы швед пришлый».

Лаксман долго бился над производством оконного стекла и придумал выдувать стекланные формы в виде цилиндра, а чтобы хватало духу у стеклодува, предложил использовать меха, как в кузне. Скоро научился мастер из старообрядцев выдувать огромные бутылки, помогая себе большими кожаными мехами, которые сам и качал ногой. Освоил способный мужик всё быстро, работал виртуозно и добротнo, справлялся сам — редко когда просил помощника.

Кто-то придумал название такой вот бутылки, выдуваемой для производства оконного стекла, — холява, припомнив, что так зовут сапожники изготовленное из

кожи голенище сапога. Так и пошло в народ — дуть холяву, то есть делать оконное стекло. И разошлось слово широко, и забылось его происхождение, которое вдруг взялись путать с другим давним словом — халява. Назвать тяжкий труд стеклодува халявой — никак нельзя, ибо труд этот в поте лица от жара и усилий, и тяжелее этого труда только что удел сталевара.

— А отчего так халявой зовётся то, что достается даром? — полюбопытствовал у Баранова Лаксман.

— Да слыхивал я, что частенько голенища используют повторно при шитье новых сапог. С сапогами-то как: подошва с каблуком истерлись, передок и задок обветшали, облупились, а голенище сияет, коли его почистить, как новое. Так и выходит, что сапоги как бы новые, но существенно дешевле выйдут, если старое голенище пристроить. А сапожник, зная, двойную прибыль имеет, ну, как бы без затрат — на халяву.

Так в лавках Иркутска скоро стали продавать оконное стекло. Было оно не таким ровным, местами разной толщины, на просвет образы за стеклом порой расплывались, но было крепким и хорошо пропускало свет. Дома в Иркутске преобразились. Срочно убирали зажиточные горожане потемневшую от пыли слюду и меняли на стекло из Тальцов. Изменялся и цвет «глаз» — окон домовных иркутских. Стал он зеленоватым, как глаза у голосистой цыганки, что пела и плясала в трактире у арки, при въезде в город с Московского тракта. Поминали Лаксмана и цыганку теперь горожане:

— Вот нацыганил нам немец, и в домах жить стало веселое.

В Тальцы наведалься и сам губернатор со свитою. Всё осмотрел, прошёлся по улице деревни, потопал ногой в деревянный тротуар от конторы к стеклодувному цеху, заглянул в правление завода, обошёл завод вокруг и долго изучал выставленную напоказ на свежеструганных столах продукцию. Разглядывал Иван Якоби каждую бутылочку, склянку, пузырёк, дышал на стекло, тёр о рукав, а развеселившись от увиденного, взялся дуть в аптечную мензурку и рассмеялся, когда раздался тонкий писк.

— Вот твоё стекло, Кирилл Густавович, уже и голос подает, — пошутил Якоби, и все смеялись, давая повод посудачить, что дела у Баранова и Лаксмана пошли круто в гору.

Тут уже поднесли губернатору и первую фарфоровую тарелку: собрались было уже Лаксман и Баранов наладить изготовление сибирской посуды широко, с размахом. Оказалось, что имеются на Байкале залежи добротного каолина, годного для изготовления посуды из фарфора. Места эти были отмечены уже Лаксманом, и с Барановым строили планы доставки сырья по Байкалу. Манил Лаксмана остров Ольхон, на котором, недолго занимаясь поисками, обнаружил швед скалу прибрежную — Будун-камень, всю из добротного светлого каолина.

— Знаешь, Александр Андреевич, у самой воды скала, так что и возить каолин не нужно издали — сразу на судно грузи и вези к нам в Тальцы. А ещё попросил местных бурят шурф пробить у самого берега, и скажу тебе, глины донные там бесценные: чистейшие, жирные, цветные — то чёрные, то голубые, красные. Из этой глины можно посуду лепить знатную, — делился планами Кирилл Густавович.

Освоили мастера уже и глазурь глянцевую, и массивные чашки имели добротный белый цвет. Тарелки подали с росписью: по краю укрытой глянцем посуды зелёная сосновая ветка и шишки искусно нарисованные.

— Вот хвалю, господа заводчики, — обратился Якоби к Лаксману и Баранову. — Думал поначалу, что дело ваше пустое. Ан нет! Ошибался! Доволен я вами.

Но беда ходит ведьмиными кругами и словно сжимает обруч, испытывая жертву, готовит исподволь удавку, и если всё благополучно на первый взгляд и дело как бы ладится, держи ухо востро — колечко в любой миг может превратиться в петлю-удавку!

Полыхнуло пожарище осенью, в Покров, как только снег первый улегся на землю пуховым покрывалом, устилая берег Ангара, по которой пошла редкая пока байкальская шуга. Разгорелось среди ночи в заводском дворе, а к утру, как ни старались сбить огонь, выгорели чуть ли не половина стекольного цеха и склад. Когда стали думать да гадать, расспрашивать народ, стало понятно — подожгли подворье, и как будто видели бричку с тремя чужими мужиками, что крутнулись в Тальцах и быстро уехали. А как уехали — полыхнуло. Одного как будто опознали — приказчик купцов братьев Опрядниковых.

С этими купцами Баранов сшибся сразу по приезде, когда взялся торговать в Иркутске в арендованной лавке, чтобы как-то дело начать. Цены на товар, что прикупил оптом, поставил чуток ниже, чем на рынке, где торговали купцы Опрядниковы. Не понравилось это местным, и при встрече в трактире, как вошёл туда Баранов по делам сугубо купеческим, Опрядников Дмитрий, уже отметивший крепко середину дня, хмельной, речистый, взялся высказывать Баранову свое неудовольствие:

— Вот купец Баранов к нам заявился! Своих у нас, что ли, недостаёт таких торговцев, которые навар имеют только за счет других уважаемых купцов, понижая

цены, вводя нас в убыток.

Баранов ругаться не стал, а переговорив с трактирщиком о поставке закупленного в пригороде мяса, удалился, но запомнил тот выпад и ощущал теперь уже постоянное недружелюбное внимание купцов, которых настраивали братья, не отличавшиеся трудолюбием и торговой смекалкой.

После открытия стекольного завода, похвалы губернатора и слухов о новом проекте Баранова купцы Опрядниковы взялись всячески хаять начинания купца и жаловаться на него в городскую управу и даже в канцелярию губернатора. Но дело уже было не остановить: завод строился и развивался, и новый крупный проект строительства корабельной верфи в Иркутске был поддержан губернатором.

После пожара в адрес Баранова пришло подметное письмо без обратного адреса и подписи, в котором прямо было написано, что если он не уберётся из города, все его проекты сгинут, а с ними и он сам.

Беда одна не ходит. После событий в Тальцах подался Баранов в Иркутск, чтобы повидать Матрёну и приемную дочку. А в Иркутске донесли Александру, что жёнушка с поручиком из гарнизона любезничала и, как пить дать, снюхалась. Видели её в компании молодого офицера несколько раз, а дома приказчик купеческого подворья напрямую подошёл и рассказал Баранову, что видел поручика в доме вечером.

Дома купец сразу ощутил неверность жены: встретить мужа не вышла, побледнела сразу, как глянул он на неё пристально, потом полыхнула лицом и ушла смущённая. Баранов догнал жену и спросил напрямую: правда аль нет, что сказывают люди о ней и поручике. Та тут же скинула свою смиренность, преобразилась, подбоченилась да и выдала:

— Тебя всё, Сашенька, нет дома, а я женщина живая, мне нужен мужской взгляд, мужское восхищение и любовь.

— Знать, верно судачат люди — скурвилась ты, подруга. Чем тебя он взял, Матрёна, этот белебья пустой? Чего тебе не доставало со мной?

— Вот ты уж лысый совсем Саша, а Проша кудрявый такой, рука сама поворошить кудри так и просится.

— Дура ты, Матрёна, несусветная да распутная!

Оказалось, кроме возможности кудри ворошить, подарил поручик бусы из цветного халцедона да платье из лавки принёс, а ещё позвал с собой ехать в Россию, в Полтаву, откуда он родом.

Баранов вышел прочь и отправился к Шелихову:

— Долг у меня перед тобою, Григорий Иванович. Вот пришёл, чтобы решить, как мне быть. Слышал, небось, погорели мы нынче, сильно погорели. Лаксман погоревал да взялся восстанавливать заводик, настроен вернуть его в дело. А мне что-то тошно стало. Тут ещё угрозы от местных. Не дадут мне работать в Иркутске, так и Лаксмана снова подведут.

— Да, Александр Андреевич! Невзлюбили тебя местные купцы. Ты не первый, кому они поперёк дороги встанут. Был тут залётный из Кяхты купец. Взялся строить здесь доходный дом, лавку открыл, а товары прямиком, минуя рынок в Троицкосавске, шли в Иркутск и были дешевле тех, что привозили иркутские купцы из Кяхты. Въез-лись на него, также угрожали, пугали, да тот не внял советам — как вёл дело, так и продолжал. И пропал тот купец, как поехал по зимнику в Кяхту. Сгинул, как не было... Давай, дорогой Александр Андреевич, иди ко мне в компанию. Нужно готовиться выбираться на Кадык, кое-какие дела на Камчатке ещё требуется завершить попутно. А у меня нынче мор какой-то: помер от пьянства управляющий в Охотске, умер здесь здешний мой приказчик. Бурят Бадумаев, слышал? Нужны люди чрезвычайно! А для тебя у меня прямо-таки предложение великое просто. Давай управляющим в Кадык, в Америку? Справишься! Я людей много видел на веку, так сразу тебя и приметил. Дело там большое, и никто тебе перечить не сможет. Строй верфи, крепости возводи, дома да церкви поднимай — нету тебе ограничения. По тебе это дело — ты мужик самостоятельный, совестливый, умеешь народ в руках удержать.

— Согласен, Григорий Иванович! Видимо, мне иного пути теперь нет, как к тебе на службу. Долг вычтешь из моей будущей прибыли, а пока мне отдавать тебе нечего.

— Вот и славно! Собирайся! Закупи продуктов, чтобы по зимнику идти до Охотска. Там на месте, как доберёшься, закончишь ремонт галиота. Поставили его на стапель год назад. Этот корабль многое уже изведal, много миль отмотал: «Три святителя» — с него всё начиналось у меня. Сам на нем ходил на Кадык, в Америку. Но поистрепался за десяток почти лет — надобно ему ремонт учинить, законопатить, просмолить. Но теперь осталось дела-то, как говорят — начать да кончить. Загуляли плотники-корабелы зимой прошлой, передрались, двое померли в итоге разборок. Так что строить там некому. У меня здесь парочка на примере есть мужиков с опытом постройки кораблей — возмешь их с собой.

Вернулся в Тальцы Баранов и глянул на дело рук своих уже как человек посторонний, словно и не вложился душой и капиталом в завод. На пожарище работали заводские, разгребали и вывозили головёшки, среди них крутился и Лаксман. К окончанию октября уже подморозило, река у берега встала ледком, по руслу Ангары несло шугу обильно. С каждым днём шуга множилась, становилось её всё более, и вот-вот должен был наступить день ледостава. У скалы, что напротив Тальцов, шуга собиралась, дыбилась — создавала зажор. Река из-за зажора, что перегородил часть русла, несколько набухла — поднялась, затопила часть берега, подобралась к строениям на берегу.

Баранов подошел к Лаксману. Тот вымотался уже за эти несчастливые дни, исхудал до худобы, был перепачкан золой. Баранову было жаль старика, но пришлось добавить ему горечи сообщением о том, что он отправляется в Охотск, чтобы летом уйти мимо Камчатки на Кадьяк. Лаксман поджал губы, на его лице отразилась эта невеселая для него весть гримасой обиды, а глаза глянули на компаньона с болью.

— Как жаль, Александр Андреевич, что дело наше потерпело такое вот поражение. Но оно не сломило меня. Отстрою цех и в меньших количествах, но буду выпускать стекло. Для моей семьи — это единственный доход. Нужно сыну Адаму помогать, других детей ставить на ноги.

— А где он у вас нынче? Там же в Гижигинске служит?

— Да, там же. Служит приставом, увлёкся, как и я, изучением естественных наук, делает записи о климате, природе тамошних мест. Пишет, что сделал экспедицию вдоль побережья: карту составил, описал природу, живность местную. Но до сей поры не женился. Мечтаю, что вернётся в Иркутск, дело ему свое передам — будет, чем жить, семью содержать.

— Мне бы его с собой взять в Америку. Толковый офицер — весь в отца.

— Я не против. Адам, я думаю, также согласился бы, но Охотск — он в стороне от Гижиги, до него несколько сотен вёрст к северу по побережью. Не думаю, что удастся вам встретиться, а увидишь его, Александр Андреевич, привет ему мой сердечный передавай.

5. В АМЕРИКУ

Баранов дал распоряжение заготавливать припасы в дорогу, инструмент плотницкий с запасом, чтобы топоры были разные — и маленькие острые для тонких дел, и тяжёлые — тесать да рубить брёвна, колоть чурки. Для навигации заказал доставить компас морской, трубы для дальнего вида, прозванные зрительными, гвозди в большом числе, связку подков для коней, кожаные мешки, верёвку в мотках. Приказчику Миколу наказывал:

— Овса возьми, а сколько, спроси у конюха Максимова, он всегда хорошо считает, сколько нужно овса на дорогу. Пусть посчитает до Качуга, там обычно берём новый запас, а ещё прикинет, скока нужно овса уже до Якутска, чтобы нам не ошибиться в пути да коней не заморить голодом, — особо тщательно наказывал, какие брать продукты:

— Покупай мороженые пельмени только тёмного теста. Закажи в трактир, пусть щей наварят крутых, заморозят в плошках, кашу ещё с мясом, да не забудь взять тройной самовар, чтобы в нём и чай вскипятить можно было, и щи, и кашу растопить за один раз.

— Да, сие — удобная вещица, хотя большая и тяжёлая на вес: у сватьи такой самовар — не налюбуется. Особо поутру — благодать: наколол топором щей, положил в самовар, в другое отделение налил воду для пельменей и чая, в третье бросил крупу, на самоварную трубу надел замороженный калач, и через полчаса можно садиться за стол, — оценил тройной самовар Микола. Между тем Микола гнул свою линию, которая, как полагал Баранов, у хохла полтавского созрела от упрямства и нрава непрощенного: — А чё брать те много-то, Лександр Андреевич? Белого теста дешевле будет. Зачем переплачивать целых три рубля за полпуда пельменей?

— Дурия твоя башка! Взялся сызнова спорить со мной! Сказано — делай!

— А все-таки зачем?

— Ты пойми, голова твоя отмороженная, что пельмени из тёмного теста делают для долгого хранения, а потому замешивают на заваренном чае. Такое тесто хорошо хранит мясо, не иссохнет оно, будет вкусным долго. А ещё прикупи жареных пельменей. Вкуснее они. Жареные бери из белого теста.

— О как! Всё-то ты знашь, Лександр Андреевич! Но ты забыл заказать мне калачи. Я видел, берут с собой мороженные сразу после печи калачи в дорогу, и пока самовар кипит, варит чай да плавит-греет щи, калач греется прямо на самом самоваре, надетый на трубу.

— О, вспомнил! Это ты не зря вспомнил, только смотри, чтобы у калача дыра была под размер самоварной трубы, а то не налезет — как греть его будем?

— А как же я узнаю, какая у самовара труба? — Микола делает круглые глаза и нелепо крутит всклоченной головой.

— Вот зря я тебя похвалил! Пойди смеряй, какая там труба у самовара, сними мерку и закажи в трактире именно таких калачей, а когда сполнят, прежде чем деньги отдавать, проверь, чтобы дырка была такая, как надо.

Микола закивал головой и удалился. Когда вернулся и доложил, что калачи в дорогу испекли и уже упаковали, Баранов все же пошёл и проверил. На поверку вышло, что всё сделано не так, как следовало. Выговаривать Миколу было уже поздно, и Баранов только и отметил:

— Ты, Микола, как моль. Малоаметный такой, бесцветный, но как только где присядешь, на этом месте дырка вредная остаётся. Такая, знаешь, бесполезная дырка, как у бублика.

Микола пожал плечами:

— Разишь у бублика дырка не нужна? А как его в связку на шнурке вязать?

Вздохнул купец. Теперь уже ему нечего было ответить Миколу.

До Качуга из Иркутска пошли с утра по зимнику на лошадях через Усть-Ордынские степи: лошадей поменяли на станции в Баяндае. По дороге от Качуга до Якутска были станции, были и деревни, где можно поправить сбрую, подковать лошадей, поменять уставших коней, пополнить запас овса. Дорога эта по льду реки и бережком была освоена уже изрядно и не отняла много сил, хотя расстояние — большое.

К Якутску дошли за два месяца и новый год встретили уже в городе, в тепле и сытости. Отогреться после долгого пути в холоде и тревоге — дело важнейшее: зарядиться энергией в баньке, отоспаться в тепле на широкой кровати. В январе уже, отоспавшись в тепле в двухэтажном особняке Русско-Американской компании, посетив Троицкий собор, истово помолившись и поставив свечи за здоровье, двинулись дальше, снарядив собачьи упряжки. Впереди лежали сотни верст Аянского тракта до Охотского моря.

Так в борьбе, преодолении, покрывая вёрсты зимней дороги через тайгу, застывшие под покровом ледяным реки, обходя высокие вершины, ветреные перевалы, открывшийся вдруг на пути курумник из огромных чёрных валунов, среди которых пролежала, извиваясь, тропа, двигались дальше. Когда поднялись по седловине хребта, с перевала увидели Охотское море, что раскинулось ледяным полем за горизонт без границ, теряясь в дымке. Ближе было видно устье реки Охота. Разлив реки образовывал обширный залив, на берегу которого разместились посёлок и верфь, укрытые длинной косой вдоль берега от волнений моря.

Дошли до посёлка, и управляющий в Охотске Сильян Матыскин, назначенный компанией Шелихова присматривать за делами и имуществом, взялся сопроводить Баранова к стоящему на стапелях галиоту «Три святителя». Галиот, поднятый из воды ещё летом, стоял брошенный, запорошенный снегом. Заготовленный для ремонта лес лежал штабелем подле. Во всем была видна крайняя бесхозяйственность и запущенность, казалось, что работы велись без должного порядка и вдруг были оставлены неожиданно, без всякой причины.

— Что ж ты, братец Сильян, так небрежно делом занимаешься? Всё брошено, не прибрано. Доски не укрыты от дождя, толком не уложены: видишь — скривились. Как с ними теперича работать?

— Да куда оно денется? Мастеровые как загуляли, из запоя вывести пока не удаётся. Уже и на склад не пускаю — строго наказал, а где-то находят то брагу, то самогон, с утра похмеляются и к обеду уже лежат колодой. Но мастера знающие — всё сами исправят.

На следующий день Баранов и привезённые из Иркутска плотники Демьян Караулов и Семен Астафьев отправились в дом, где обосновались мастеровые, которым дойти до галиота не удавалось уже два месяца. Встретил Баранова и его плотников Гаврила Попов, основной корабельный плотник, нанятый Шелиховым ещё осенью править «Три святителя». Гаврила, которого Шелихов характеризовал крепким мастеровитым человеком, являл убогое подобие такового: мужик исхудал до неопрятной бледности и скуластости, его лицо заросло серой, мышинного цвета, щетиной, словно лишайником, а ввалившиеся глаза мерцали из глубины нездоровым блеском нуждающегося остро в помощи организма, силы которого подорвал зелёный змий.

— Собирайся! — скомандовал Баранов, понимая, что рассусоливать тут смысла нет: запойный Гаврила будет искать без конца причины уклониться от дела, и нужно брать его крепко за шиворот и ставить к галиоту для работы, контролируя каждый шаг.

Малу-помалу дело стало налаживаться, и, как это бывает с русскими, неспешно разогнались до того, что и в сумерках ещё стучали топоры и молотки, и окрепшие после запоя мастеровые неохотно уходили в избы, чтобы покушать и отправиться ко сну. По мере оздоровления внешность мастеров стала выправляться: глаза заблестели здоро-

вым блеском, лица разгладились, потеряли бледность, голоса зазвучали уверенно, нет-нет да раздавались шутки и смех, всяческие подначки.

Попов, как оказалось, и верно был прекрасным мастером, также поменялся и приобрел вид типичного завязавшего алкоголика: волосы на голове прилизаны волос к волоску, худощавое лицо чисто выскоблено до синевы, словно хозяин лика, прогоняя беса запойного, выскоблил себя всего, но, увы, только снаружи. Правит алкоголиком дьявол: три недели терпеливой сосредоточенной работы мастер Попов держал фасон, но сорвался и, набравшись невесть откуда взявшейся самогонки, раздевшись до пупа, вышел из избы и взялся кричать бессвязно, словно бес, засевший внутри, попросился то ли наружу, чтобы сгинуть, то ли высказать свои претензии к миру:

— А вот почто Господь бабу сотворил слабее мужика! Так чтобы учил её муж и справлял с ней то, что Богом велено для продолжения рода даже без ея, бабьего, желания! Учить их нада! Так за что?!

— Это он о чём? — поинтересовался Баранов у местного работника.

— Дак на каторге был до того, как попал в Охотск. Бабу свою поколачивал да однажды пришиб, одурев в пьяном угаре. Вот нет-нет да вспомнит убиенную, а твердит, что любил её пуще жизни, а теперича, мол, без неё и жизнь ему не мила.

— Во как! Вот такая у нас история: как руки золотые, то рыло погано, а то и нрав скотский. Всё это от дремучей безграмотности — так вот я думаю. Это ж придумать такое — прибить того, кто дорог по жизни, и маяться затем от утраты!

К началу весны галиот приосанился, несмотря на редкие сбои в работе мастеров, которые ненавязчиво отлучались от дел, и виден стал результат труда: поменяли истёртую о камни и причалы обшивку и мачту, стапеля отладили, внутри судна перебрали переборки, укрепили шпангоуты, всё тщательно проконопатили да просмолили, поменяли да натянули канаты.

Баранов всё время неотступно контролировал ремонт и скоро убедился — к сроку, самому началу навигации, успевают. Поделится этим своим прогнозом с Поповым, снова трезвым, снова причесанным и выбритым до синевы.

— Так вестимо, успеем, — подивился на Баранова убиец собственной любимой жены, — мы старались, а Господь завсегда поможет тем, кто ставит цель да идёт к ней, веруя в него.

Качнул головой Баранов, оценив разумность мастера и сопоставив с тем, что наворотил он непоправимых дел уже в своей жизни. Выходило, что корежит мужика какая-то напасть, бьются в душе демоны со святостью, а от того и пьянство, от того и знак беды в глазах.

Отвалили от причала уже в мае, помолясь на образа и под напутствие, что принёс Баранов с собой с севера:

— С Богушкой да в дорогушку!

В самом начале труднейшей дороги трепет души так осязаем, что морозит до озноба, ибо нет уверенности, что всё неведомое, что ожидает впереди, ты способен преодолеть. Неведомо, как сложится твой путь и будет ли благоволение неизвестных тебе сил, как лягут вектора и факторы твоего предприятия и будет ли попутный ветер в паруса, а гнев небес умеренным. Но стоит, тронувшись в путь, наложить крестное знамение на чело да перекрестить грядущую дорогу, попросить подмоги душевной у Господа, силы как бы прибавляется и уверенность прибывает.

Галиот, раздвигая ещё не растаявшие у берега в холодной воде льдины, тронулся бойко, словно застоявшийся в стойле конёк. Море благосклонно приняло галиот, и первые дни судно легко, вольно скользило по глади, разгоняемое попутными ветрами.

— Дорогу помнит! — шутил шкипер Антонов, ранее служивший на «Трёх святителях» и совершавший плавание к Кадыку вокруг Камчатки под командою самого Шелихова.

Через две недели пути к ночи показался берег Камчатки. Было решено, чтобы не заплутать среди кипучих волн, идти вдоль берега до мыса Лопатка, а затем обогнуть острый, пологий и холмистый выступ оконечности полуострова и двигаться вдоль берега на север. Суда шли в этом месте мимо мыса через пролив, такой узкий, что даже в тумане был виден остров Шумшу, начинающий Курильскую гряду: острова, словно гусьта, выстроились за мамкой Камчаткой — большой пловчихой, что уже причалила к большому берегу континента.

Но у стихии, расплескавшей свои затеи по бескрайнему морю, были свои планы. Едва пошли вдоль берега, налетел шквал со стороны юго-запада. «Три святителя» стали зарываться носом в огромную, зелёную, полупрозрачную, как бутылочное стекло на вершине, и темнеющую до черноты в глубине волну. Глубь эта, вскипевшая под напором ветра, не сулила доброго, хранила неукротимую силищу, злую нынче, упругую энергию. Галиот понесло к берегу, на выступающую вдоль берега гряду

скал, чернеющих угрюмо четкой строкой, умываемых беспокойной волной. Разбушевавшееся море перекрывало скалы, прокатываясь вдоль гряды, и, подхватив, понесло, потащило галиот, верша свою волю. Не было силы, способной остановить это влечение, и на волне, преодолевая скалы, галиот перемахнул гряде, но на излёте энергии волны зацепил бортом скалистый выступ. Хруст ломающихся досок обшивки был не слышен — вода кипела и пенилась вокруг галиота, словно кто-то грел её изнутри до кипения и баламутил могучими взмахами неведомых плавников и крыл. Случился рывок от удара, раздался протяжный звук, как стон погибающего морского животного, галиот дал крен, и теперь его несло неудержимо и неуправляемо к берегу. Выправить положение не было никакой возможности, и скоро днище галиота плотно село на прибрежную мель. От удара все, кто был на палубе, повалились, двое мореходов, что толклись у борта, вылетели с судна в кипящую вокруг галиота воду.

Море улеглось скоро, так скоро, что показалось, что для того оно и закипело, чтобы свести счеты с галиотом.

— И, слава Богу, все живы! — причитал капитан галиота, когда двое упавших за борт, объявились на берегу, который оказался рядом с застрявшим на мелководье судном.

Перебрались на берег, снарядив шлюпку, скоро обосновались у прибрежных кустов, но выходило, что ждать, когда судно удастся восстановить, придётся долго. Разрушенный борт галиота требовал основательного ремонта. Материал для этого был припасён. Баранов поручил капитану заняться ремонтом, как судно поднимет прибывшей с приливом водой, что позволит поставить галиот так, чтобы можно было «штопать» пробоину.

— Силантий, ты мужик опытный, справишься, а я возьму своих помощников и пойду в Нижнекамчатск. Тут недалеко поселок Тигиль, судя по карте. К нему выйдем, там, я думаю, сможем организовать помощь, найти оленей и пойдем вдоль реки. Сказывали, есть в тех местах набитая дорога.

По лету путь всегда проще. До Тигиля вдоль залива и устья реки по тропе ходко пошли, но скоро река сузилась, потянулась вдоль ущелья. Тропа то пропадала, то появлялась вновь, но шли без осложнений: рыбу переметом брали из реки, муки да крупы хватало, чтобы вдосталь поужинать, а поутру не чувствовать себя пустыми и немощными.

Через две недели, перевалив сопки срединного горного хребта, путники вышли к реке Камчатка. Полноводная река несла воды свои к океану, разливаясь в устье протоками. На протоках и стоял Нижнекамчатск, и это давало возможность строить на стапелях небольшие суда и спускать их на воду. Лес вокруг поселения был в основном лиственный, потому сосновые стволы, годные для постройки кораблей, гнали с верховий в плотах, наспех сушили и, распустив на доски и брус, второпях же и строили. При всей неспешности пути в Америку, который порой занимал месяцы и годы, всегда торопись выстроить судно из-за непогоды, близкой и долгой зимы, замерзающей реки и проток. Нынче вот выходило, что построить судно за лето не удастся: леса нет подходящего, мастера разбрелись по промыслам на зверя, а другие негодные, правят настроение и пошатнувшееся здоровье самогоном.

Когда прибыли на место и нашли дом у дальней протоки, где размещался склад и контора торговой компании Шелихова, уже вечерело, и алый закат ярко багрянил низкие облака. Встретил путников местный представитель Семён Оглоблин и оглядел Баранова всего от лысеющей головы до перепачканных, разбитых за дорогу сапог, взгляделся в предъявленную им бумагу с печатью на бланке торговой компании с личным вензелем Шелихова. Распознав бланк и вензель, подслеповато щурясь, как оказалось, неграмотный Семён тут же взялся виниться перед Барановым, что мастеров, с кем можно было бы заключить договоренность о постройке судна, в здравом виде нет.

— Ушли в лес. Дело-то к зиме — взялись заготовки делать. Ягодки, грибочки, — виновато объяснял Семён, и глазки его лукаво светились огнем нездоровым.

«Что за дьяволиада?» — подумал Баранов. Оказалось, что балуются здешние поморы сушеными мухоморами за недостатком сахара, отсутствием дрожжей, а оттого заготовка замурённых грибков в этот период времени была в приоритете.

— Так, а что вы с ними делаете? — поинтересовался Баранов, поскольку был наслышан о шаманских обрядах, совершаемых под действием эйфории от потребления сухих мухоморов. Такое водилось порой и на севере среди одичавших поморцев.

Оказалось, что здесь, наученные корякскими шаманами, посредниками между мирами яви и небесной хляби, взялись потреблять галлюциноген в непотребном количестве. За зиму несколько местных померло, впад в состояние невозвратного повторяющегося бреда. Одного бедолагу, объевшегося грибов, прибили сами, когда среди ночи, совершенно обезумев и трясая головой в припадке, стал кидаться с топором и порубил подвернувшегося охотничьего пса и ранил его хозяина, когда тот бросился

защищать животину. Пришлось для защиты стрельнуть безумца.

На стапеле, что высился на берегу протоки, Баранов отметил недостроенный коч. С такими судами Александр был знаком ещё по Беломорью. Ходили на кочах северяне-поморы на острова, вдоль побережья и по рекам весьма успешно.

— Чей коч? — поинтересовался Баранов.

— Так Тимохи Огуреева. Был у нас такой мореход, промысловик-охотник. Ушёл по реке третий месяц как и доселе не вернулся. Сказывали, что сгинул: ни весточки, ни знака от него.

— Слушай Семён, я возьмусь и этот коч доведу до ума. А как вернётся пропавший Тимоха, ты ему объясни, что рассчитаюсь с ним честь по чести, как оказия будет. Пусть только даст знать, что готов получить откуп за судёнку свою. А коли не вернусь, мало ли какая напасть стрясётся, скажи — Шелихов оплатит ему за коч полной мерой.

С утра застучали топоры. Сам Баранов с помощниками взялся ладить такелаж, править надстройки. Просмолённый, проконопаченный паклей коч через несколько дней выглядел вполне готовым для спуска на воду, что и было спешно исполнено уже на закате. Скользнул коч по выстланному, выглаженному и намазанному скипидаром брёвнам в воду протоки и закачался на воде влево-вправо, словно потревоженный ванька-встанька — гигантский поплавок, и как-то сразу показалось, что судно вышло отменным. Особо добротнo выглядела вторая ледовая обшивка корпуса ниже ватерлинии, уложенная тщательно доска к доске и крепко пробитая металлическими скобами. Отмеченное качество коча означало, что готов он для плавания и среди льдин. На воде коч дал осадку чуть более метра. Малая осадка и наклонный форштевень, характерный для северных кочей, дают возможность ходить и по мелководью, выбираться на пологий берег и даже преодолевать «посуху» расстояния волоком по уложенным поперек брёвнышкам.

— Ладный вышел коч! Передай Огурееву наши благодарности — умелый, знающий он человек! — сказал Оглоблину Баранов.

— Дак он с севера на Камчатку прибыл! Дело знат! Сказывал Тимоха, плавали по северному морю чуть ли не до Сибири, а потом маханули и далее. Добрался он с гурьбой северских до порушенной Мангазеи, а потом нашли ход по Енисею, вернувшись к морю, и по реке пришли в Енисейск. Вот как! — взялся хвалить пропавшего морехода Семён.

Парус пришлось перешивать из старого, брошенного в амбаре, править его найденной на складе парусиной, и теперь облачённый в оснастку коч, показалось, упрямо смотрит в сторону моря, готовый отправиться в первое свое плавание. Поднятый парус, латанный, но вполне крепкий, уловил порыв ветра, затрепетал, наполняясь воздухом, и тут же бодро надулся, готовый сорвать с места коч. Канат, закрепленный на причале, натянулся и зазвенел под нагрузкой. При виде того, как ожила стоящая без дела ладная посудина, у Баранова в душе просветлело, и хотелось сняться тут же и идти в море: даль звала, а неутомонное сердце желало новых открытий и многотрудных дел.

Команда подобралась из уставших от безделья местных охотников, душа которых просила простора, странствий и возможности заработать. Баранов предложил работу на промысле, и скоро собралась команда в полтора десятка человек. Как оказалось, все они были уже с опытом плавания и маршрут для них был не нов. Командовать судном Баранов взялся сам: помнил он свою практику на Беломорье и теперь, как оказалось, вполне уверенно решал вопросы. Благо отыскался и навигатор, местный — Демьян, хорошо знающий, по его словам, предстоящий маршрут. Семен Оглоблин подтвердил, что плавал успешно Демьян Краюха с пропавшим хозяином коча Огуреевым. Баранов провёл совещание и обозначил каждому обязанности. С Демьяном, уже в каюте коча, долго изучали карту с Алеутскими островами, составили план и маршрут предстоящего плавания.

Упрямы́ства кочу было не занимать: сноровисто пройдя прибрежную на мелководье волну и уловив чутко, как знаток, тугой северо-западный ветер, бодро отправился продукт творчества северных навигаторов «по-за огороду» к американскому континенту. Алеутские острова тянулись вдоль левого борта коча. Близко идти к островам опасались из-за острых скал, на которые напороться можно было незаметно, увлекаемые неистовым течением между островами. Скалы каменных островов терялись в дымке тумана и казались совершенно непригодными ни для высадки на берег, ни для проживания. Только чайки носились над кочем, пластаясь на ветру, замирали, раскинув крылья, когда ловили встречный могучий поток, увлекающий птиц ввысь. Можно было часто на островах видеть морских обитателей, валяжно теснившихся на прибрежных скалах и пляжах.

Через две недели достаточно успешного плавания разразился шторм. Возникла опасность того, что судёнышко выбросит на остров, и было решено уйти от скал в сторону моря ещё далее. Видимость из-за дождя стала минимальной, и коч на большой волне

мотался, как поплавок неведомой снасти, и был практически беспомощен. Коч стойко держал курс, словно птаха на ветру, раскачиваясь на изрытой волнами поверхности, рыскал и зависая в точке, скользя по непрерывно трансформирующемуся рельефу этой бесконечной по протяженности и неограниченной по направлениям дороге, охватывающей более двух третей площади планеты. Коч то возносило к небесам, что позволяло видеть окрест далёкую однообразно горбатую и пепельно-свинцовую, живо шевелящуюся мышцами волн перспективу, то опускало крайне решительно вниз меж водяных холмов, и тогда можно было видеть только покату, изрытую всполохами брызг и пены стеной из вздыбленной воды и краешек неба над головой. Мореходы устало, часто в отчаянии, смотрели на эту периодически меняющуюся картину. Отчаянным людям оставалось только ждать и надеяться, что океан вернет утлую судёнку вновь на гребень волны из разверзшегося под ним провала, океан утомится, устав раскачивать тех, кто решился на плавание, когда штормы, разгулявшись накануне зимы, вершат гигантскую работу без усталости, раскачивая зыбкий континент по имени океан.

В наступившей непроглядной ночи не было видно абсолютно ничего, и только брызги морской, казалось, тяжёлой, как расплавленный, но студёный металл, воды океана окружали коч и заливали палубу. От усталости, пронизывающего сырого, стылого ветра и отсутствия перспективы окончания разгулявшегося шторма, команда удручённо ждала краха. Баранов не в силах был что-то изменить и только всматривался в темень и всполохи беснующейся воды. Коч несло на северо-восток, и это могло показаться верным направлением, если не учитывать близость скал архипелага.

На самом рассвете коч выбросило на берег, уже заваленный ледяной шугой — грядущая зима напоминала о себе. Каким-то чудесным образом судно не разбилось о прибрежные скалы. Вероятно, большие волны и плоское дно коча помогли ему перемахнуть через гребень донных скал, едва только чиркнув килем о выступ скалистого гребня, а далее уже на мелководье коч уронило волнами набок и отнесло на берег. Хруст ломающейся обшивки показался страшным, хлынула вода, но мелководье не позволило кочу уйти под воду. Тем не менее, следовало выбираться из разбитого, сразу потерявшего свой бравый вид судёнышка на берег. Сделать это было непросто: волны долбили в опрокинутый коч, раскачивали и доламывали его, заливали водой трюм через разлом в днище и изливались через переборки и изломанную палубу, разрушенные надстройки. На обшивке и опрокинутой палубе образовалась наледь.

На берег измотанные штормом и всем случившимся погромом, измученные, избитые волнами мореходы выбрались уже к вечеру. Ветер поутих, но океан по инерции ещё штормило-раскачивало, качало на волне и порушенный коч, мотало изломанную опрокинутую мачту и остатки разорванных парусов.

На берегу, в отдалении от пляжа из чёрного сверкающего при свете песка между скали рядом с подступающими к берегу деревьями, устроились под песчаным барханом, где ветер не столь силен; развели костер. Огонь метался, словно в тревоге загнанный в ловушку зверь, кидал всполохи света на заваленный тонкими ещё льдинами берег, выбрасывал в небо сгустки искр. Согрелись, немного обсушились, и ночь свалилась чернотой — космической бездной, на дне которой оказались мореходы. Скоро, однако, через разрывы несущихся по небу облаков проглянули звёзды, и это был первый добрый знак небес за тяжелый день — знать, погода взялась налаживаться, и день обещал быть ясным.

С утра огляделись. Остров, на котором они оказались, был практически без леса, скалистым остовом выпирающий из волнующегося ещё по инерции после шторма, раскачивающегося океана. Дров, впрочем, на берегу хватало: весь берег залива был завален стволами деревьев, принесённых кипящей непрерывно водой. Скоро пошёл снег, и стало понятно, что чтобы выжить на этой суровой земле, следует срочно строить какое-то жильё и думать о пропитании. Обдуваемое не стихающим ветром, практически лишенное растительности побережье выглядело суровым и неприступным.

— Вот принесло нас в дивное место! — воскликнул Баранов. — Это просто прорва океанская, в которой рождаются ветра, а для бренного раба божьего, для его уединения места здесь нет. С утра как бы прояснилось небо, и вот снова чуть ли не ураган-снегопояс.

Разбитый и перевернутый коч мотало волной на мелководье: океан вершил свою работу без усталости, и добраться до поверженной судёнки было пока невозможно. А это сделать следовало, дабы извлечь инструмент, какие-то сохранившиеся продукты. Взялись строить жилье-убежище, натаскав плавника. Скоро удалось укрыться от ветра, обтянув выставленные пирамидой жерди остатками паруса, и согреться у яркого костра.

Вдруг рядом что-то пискнуло, прошелестело, раздался звук удара, и в ствол бревна

в основании выстроенного жилища, рядом с сидящим у костра Барановым, ударила гулко и завибрировала, затренькала стрела с чёрным оперением. Купец отпрянул, упал на песок и спешно схоронился за край прибрежной скалы и стал выглядывать противника, пустившего сей недружелюбный предмет. Сидящие у огня мореходы также попрятались и все внимательно и тревожно оглядывались друг на друга, готовые ответить. Ответить-то особо было нечем. Порох отсырел, заряды были негодны, и только ножи и пики могли составить скудный арсенал для обороны. Недруги хоронились в зарослях кустов, которые как-то густо выросли из песка у скалы. Вдруг в темноте закопошились и скоро на свет костра вышли осторожно, выставив луки, снаряженные стрелами, люди в меховых одеждах и головных уборах в виде шкур, содранных с голов лисиц и волков. Было их человек десять. Вооруженные луками и длинными копьями воинственные незнакомцы для команды Баранова, лишенной огнестрельного оружия, представляли внушительную силу. Тем не менее, стало скоро понятно, что агрессивности аборигены не проявляют, а скорее, сами побаиваются пришельцев.

Баранов жестом указал своим из команды, чтобы сидели смирно, не выказывали беспокойства, а сам взялся пристально наблюдать за воинственными людьми с луками и копьями, рассчитывая установить контакт и не допустить стычки. Вышедшие на поляну индейцы, уловив, что агрессии нет, опустили свои луки по команде одного из них — внушительного роста мужчины средних лет, с выкрашенной яркой охрой бородой, в одежде яркой окраски — и стояли в ожидании новых указаний.

Среди вышедших к костру людей не все были похожи на алеутов или индейцев, некоторые походили, скорее, на русских охотников, обитавших на Камчатке. Это следовало из меховой одежды, высокого роста и обильной растительности на лицах. Бороды были у них уложены в виде косиц, раскрашены охрой и цветными вставками из цветных кожаных лент. Выделялись глаза: светлые у многих, обведены какой-то краской, делая лики выразительными. Когда вооруженные люди подошли ближе и огонь осветил лица, можно было увидеть, что облик их, не лишенный примет, характерных для жителей северных побережий и островов Тихого океана, имеет черты и европейские, на что указывали более светлые, порой рыжеватые волосы, обильная растительность на лицах, большие глаза и форма лиц.

Выделялся внешним видом и поведением вожак: был он высок и сложен крепко, взгляд осторожный, но любопытный, не пугал, а притягивал, вызывал доверие. Баранов осторожно подошел к нему. Незнакомец смотрел внимательно и дружелюбно, осматривая купца с интересом. Баранов пригласил незнакомца к костру, и тот не стал отказываться и уселся на древесный ствол поваленного дерева у самого костра. Стали изъясняться, глядя внимательно друг на друга, чутко улавливая жесты, движение глаз. Некоторые слова, сказанные вожаком воинственных туземцев, были понятны после некоторого осмысления.

Баранов вспомнил рассказ Григория Шелихова о том, что пятьдесят лет назад на юго-восточном побережье Русской Америки пропали пятнадцать русских моряков с пакетбота «Святой Павел» под командою Алексея Чирикова. Корабли «Святой Павел» и «Святой Пётр», отстроенные в Охотске, ведомые Витусом Берингом после посещения Авачинской бухты, шли к берегам Америки. Шторм разлучил пакетботы. Чириков достигнул берегов Америки и вернулся в Авачинский порт, а вот командор Беринг и вся команда «Святого Петра» навечно остались на острове близ камчатского побережья, поименованного Командорским в честь выдающегося мореплавателя. Пятнадцать членов команды Чирикова пропали, казалось, бесследно, но доходили до русских колонистов, обосновавшихся на островах Уналашка и Кадьяк, невероятные слухи от местных алеутов о светловолосых, бородатых и высоких людях, что проживали в племени тлинкитов.

Баранов достал карту, разложил её перед индейцем и стал показывать рукой на опрокинутый коч, на карту и море, указывая путь пальцем по карте, пытаясь объяснить, откуда они прибыли. Бородатый человек слушал внимательно, улыбался и кивал головой, потом стал стучать себя в грудь и заявил, что он Ваня. Баранов во все глаза смотрел на новоявленного Ивана и видел перед собой человека, по внешности очень похожего на него самого, только с убранный в косицу бородой и шевелюрой.

Ваня пригласил мореходов проследовать за ним, и они оказались в поселении местного племени. Догадки Баранова о том, что здесь есть потомки моряков со «Святого Петра», подтвердились: объявился сын одного из той команды. Изъяснялся старик плохо, едва подбирая слова, долго молчал, вглядываясь слезящимися глазами в пришлых. Удалось понять, что пятьдесят лет назад люди, отправленные с корабля на шлюпках на остров, чтобы добыть свежей воды, были пленены воинами племени, а пакетбот Чирикова ушел в открытое море, не дождавшись возвращения своих матросов.

Баранов взялся объяснять, что ему надо попасть в русскую колонию на острове Кадык. Индейцы рассказали, что накануне грянуло очень сильное землетрясение, и волна цунами основательно разрушила строения на Кадыке. Выходило, что отправляться на остров бессмысленно накануне зимы. Было решено ждать тепла, но отправить на Кадык передовой отряд во главе со шкипером Молевым. Местные предоставили лодку. Через два дня лодка с двумя мореходами вернулась назад. Раненный стрелой в плечо Молев рассказал, что, едва добравшись до Кадыка, они были атакованы из-за прибрежных камней индейцами. Спаслись только двое.

Перезимовали в юрте-землянке и весной, когда разошлись прибрежные льды, отплыли с Уналашки на Кадык, до которого было несколько десятков верст. Пять больших лодок-байдар с двумя гребцами в каждой из племени алеутов вместили всех, кто потерпел крушение на коче.

6. КАДЬЯК

На острове царило уныние. Представитель Шелихова Степан Карматов рассказал Баранову, что промысел идет активно, заготовка шкур отработана, да только порой местные учиняют акты неповиновения и нападают на промысловиков. С этим нужно что-то делать.

Вместе со Степаном Баранов осмотрел порушенные землетрясением и цунами строения и поинтересовался, как сумели спастись люди.

— Вовремя спохватились. У алеутов есть приметы, как распознать земную тряску. Обычно смотрят на поведение диких зверей. Морское зверье дружно снимается и уплывает в море, а обитающие на суше убегают от берега в сопки. Так и мы спаслись, но не все.

— Ну, коли место это опасное для стоянки на побережье, значит, развивать здесь промысел и строить порт и верфи неразумно. Нужно искать иное пристанище.

— Давно это всем понятно, но что-то нет пока указаний на сей счет.

По решению Баранова, колонисты перебрались из гавани Трех Святителей в залив Чиниак. Это новое место называли Павловской Гаванью в честь наследника российского престола Павла и взялись заново отстраивать поселение, защитные стены и причал.

Гавань была более удобной: узкий пролив, шириной всего несколько сотен метров, был защищен от морских ветров высокими берегами примыкающего острова. Большое пространство, ограниченное высоким холмом и береговой линией залива, позволяло заложить здесь достаточно крупное поселение и отстроить защищенную от шквалов верфь.

Баранов развернул активную деятельность. Изучив, как ведётся промысел, он понял, что нужно заботиться не только о добыче шкур, чего требовали в Иркутске главные акционеры компании. Следовало обустраивать русскую колонию на побережье Северной Америки надолго и даже, он полагал, навсегда. Это значит — строить дома, церкви и школы, обносить их крепостными стенами для защиты от набегов местных племен, а также делать всё, чтобы воинственных индейцев привлечь на сторону колонистов, сделать не только наемными работниками для ведения промысла, но и православными и просвещенными членами общины «Славороссия».

За несколько лет в Павловской Гавани была выстроена слобода для проживания колонистов, дом правителя, контора компании, казарма с флигелем для офицеров, магазины, склады, мельница, столярная и слесарная мастерские и кузница. В 1794 году возведена Воскресенская церковь с домом священника, а в 1797 году при церкви открылась школа.

Колония остро нуждалась в судах для ведения промысла и каботажного плавания вдоль побережья. Баранов лично руководил строительством верфи, и на стапеле появился остов первого корабля, который вскоре спустили на воду. Позже взялись строить большой трехмачтовый «Феникс» и судно поменьше под названием «Дельфин». Через год добавилось каботажное судно «Ольга».

Баранов активно сотрудничал с алеутами и эскимосами. Летом 1792 года тлинкиты напали на чутачей-эскимосов в отместку за сотрудничество с русскими. Испуганные эскимосы примчались к Баранову в Павловскую гавань и пали ниц, прося защиты. Баранов спешно собрал отряд промысловиков и отправился на встречу с тлинкитами. Отряд противника выглядел живописно в своих кожаных доспехах, обшитых деревянными дощечками, в шлемах, похожих на декоративные башни, с раскрашенными масками неведомых зверей. Тлинкиты яростно сотрясали копьями и ножами, выкрикивали воинственные кличи, дико высывали языки, рычали, пускали изредка стрелы из луков и затем принялись совершенно неорганизованно, но дружно атаковать колонистов, рассчитывая смять их числом. Баранов поначалу несколько растерялся, но Семён Карматов умело развернул цепь стрелков и встретил

дико орущую группу воинов нестройным залпом. Раздались вопли раненных, кровью окрасился прибрежный песок. Развязка наступила скоро: получив жестокий отпор, тлинкиты бросились бежать.

Вождь издал дикий клич, воины остановились и принялись запутывать колонистов неистовыми плясками, не рискуя кинуться в новую атаку. Это выглядело забавно. Тлинкиты попробовали еще раз обстрелять колонистов из луков, и им удалось ранить нескольких. Истратив запас стрел, индейцы кинулись вглубь острова, оставив на поле боя около десятка убитых сородичей. Потери Баранова: двое убитых русских и девять алеутов-кадьякцев.

После этого боя Баранов отправил в Иркутск просьбу о доставке в колонию ружей, пушек, пороха. Скоро стало известно, что индейцы стали активнее менять меха на оружие у бostonцев и британцев.

В трудах бесконечных от зари до глубокой ночи летело время, и обустривалась Павловская Гавань. Одно пока угнетало Баранова — плохие отношения с племенами тлинкитов. И дружественным алеутам и индейцам полной веры не было. То и дело приходилось убеждаться, что промысловики из местных шпионили, готовя очередной подвох русским колонистам.

Крайне важно было наладить добрые отношения с тлинкитами, поскольку именно эти племена владели островами архипелага в отдалении от Кадьяка, и чтобы развивать колонию, осваивать новые промыслы, строить новые крепости, требовалось получить права владения этими территориями. Александр Андреевич решил налаживать дипломатию. Наведывался в стойбища индейцев и заводил беседы с вождями — местными князьками, как он их сам называл. Привозил немудреные дары: монеты с изображением императрицы Екатерины, стеклянные бусы, зеркальца в металлической оправе, деревянные гребешки.

7. НАГУЯ

В одном из племён старейшина, выслушав Баранова, заявил, что если тот здесь обосновался надолго и желает иметь добрые отношения с индейцами, то должен жениться на дочери вождя. Баранов поразмыслил и для пользы дела решил породниться со знатым родом, невзирая на то что он еще состоял в браке с Матрешей.

Островами близ побережья владели род Ворона и род Орла. Большую роль в управлении и принятии решений там играли женщины, ведая вопросами родства. Браки между родами тлинкитов были достаточно редки, а отдать дочь вождя за пришлого чужака неведомых кровей, притеснявшего воинственных тлинкитов, представлялось невозможным.

Индейцы-тлинкиты считали себя избранным народом побережья и активно практиковали рабство. В их селениях у каждого хозяина проживали плененные алеуты или эскимосы, которые выполняли всю работу по дому, охотились, строили жилища. Рабовладельцы проводили время в состязаниях в стрельбе из лука, метании копья, схватках на ножах и борьбе. Воины были приучены к суровым условиям: спали в снегу, плавали в ледяной воде, могли неделями жить без пищи и крайне остро реагировали на притеснения и несправедливость.

Однажды Баранов заявился в дом вождя, выстроенный из плавника и огромных костей морского животного, видимо кита, и плотно укрытый шкурами каланов. Рядом с домом, более походившим на чум, толклись, переговариваясь между собой, молодые воины, одетые в странные одежды: сверху на коже, из которой были сшиты сухожилиями куртки и штаны, крепились деревянные раскрашенные дощечки, образующие нагрудник, защитный ворот, наручи и поножи. Таким же образом был изготовлен и головной убор, который венчала искусно вырезанная из древесины голова зверя, раскрашенная минеральными красками. Порой было абсолютно непонятно, какого зверя выбрал воин в качестве своего тотема, но маска была изготовлена непременно с грозным оскалом.

Показались молодые тлинкитки, вероятно, прознав, что приехал светлый ликом человек искать себе жену. Все дамы были невысокого роста, крепкие телом, в прямого края одеждах до пят, с длинными смоляными волосами за спиной и с выстриженной коротко челкой. В нижнюю губу местных красавиц был врезан круглый деревянный предмет, похожий на блюдце. Баранов представил, как придётся лобызаться с такой-то женой, и предпочел поискать жену в другом месте.

На побережье проживали, кроме воинственных тлинкитов, дружелюбные алеуты и эскимосы-инуиты. Занимались в основном рыбной ловлей и охотой на каланов. Алеуты не практиковали радикальные средства для украшения и изменения внешности. Баранов решил искать избранницу среди алеутских дам, но судьба распорядилась по-

своему.

В поездке к эскимосам-чугачам Баранов увидел у реки юную девушку. Она выделялась осанкой и светлым очень приятным лицом. Это была дочь вождя эскимосского племени Панака по имени Нагуя. Отчего-то запала в сердце Нагуя, и, вернувшись на Кадыак, вскоре Александр Андреевич вновь отправился в стойбище Панака, и вскоре обзавелся молодой женой, справив брачный обряд по правилам эскимосов. Нагия родила Баранову трех детей — Антипатра, Ирину и Екатерину.

8. КРЕЩЕНИЕ АЛЯСКИ

В 1793 году на острове была создана духовная миссия, получившая название Кадыакской. Руководителем миссии был отправлен из Петербурга архимандрит Иоасаф, инок Валаамского монастыря, в миру Иван Болотов. По прибытии на Кадыак миссионеры принялись строить храм и обращать язычников в православную веру. В 1795 году архимандрит Иоасаф направил в Иркутск поименную ведомость-отчет о количестве крещенных и венчанных на Кадыаке. В течение первого года деятельности миссии крещение приняли 6740 коренных жителей острова Кадыак и материковой Аляски, а также сочетались таинством брака 1573 супружеские пары.

Храм на Кадыаке был поименован в честь Святого Михаила после чудесного спасения судна «Святой Михаил», которое в составе экспедиции из трех кораблей отправилось к берегам Америки в 1783 году.

Расширялась колония русских на северных берегах Америки с появлением здесь Александра Андреевича Баранова. Добывался активно зверь, строились крепости, возведена верфь, спущены на воду первые суда. В 1799 году Баранов был отмечен за *«усердие его к заведению, утверждению и расширению в Америке российской торговли»* молотой медалью на ленте Святого Владимира. Через три года ему был пожалован чин коллежского советника, что соответствовало армейскому чину полковника и давало права потомственного дворянства.

После смерти Григория Шелихова в 1795 году и преобразования его Северо-Восточной компании, которой он владел вместе с братьями Голиковыми, в Русско-Американскую компанию (РАК), для Баранова мало что переменялось. Контора РАК перебазировалась в Петербург и обрела устойчивость, заручившись поддержкой монаршей особы и придворных чиновников. Баранову же приходилось решать насущные задачи в Павловской Гавани. После того, как охота на зверя сместилась далее по архипелагу императора Александра на юг, решено было выстроить крепостицу Якутат на побережье холмистого острова архипелага и на острове Ситка заложить крепость Михайловскую, поименованную в честь архангела Михаила.

К этому времени стали как будто налаживаться отношения с вождями тлинкитов. Вождь могущественного рода ситка-кисади Скаутлелта долго не давал согласия на строительство крепости Святого Михаила, и пришлось его обхаживать, одаривать и объяснять, что его племя только выиграет от такого соседства с русскими. Но все увещевания долго результата твердого не давали, тлинкиты, что называется, уперлись, и позиция старейшин была неверной, склонной меняться под влиянием англичан, которые имели всё более серьёзные виды на эти земли. В такой вот неуверенности в дне завтрашнем строить новый центр развивающейся компании было опрометчиво.

Баранов пообещал Скаутлелту защиту от нападений более крупных племен и, наконец, получил согласие на словах, но когда началось строительство, тлинкиты подняли смуту. Весной 1800 года, собрав несколько десятков человек с ружьями и прихватив две пушки, заряженные пока холостыми зарядами, Баранов прибыл в стойбище племени и без разговоров и увещеваний приказал стрелять по собравшимся, гадящим, выкрикивающим угрозы тлинкитам из пушек. Те разбежались. К вечеру того же дня робкая процессия старейшин рода во главе с вождём явилась к месту временной дислокации русских и выразила согласие быть под опекой русских. Так Баранов договорился отстроить на территории тлинкитов свой опорный пункт в заливе Якутат, а для сохранения мира вытребовал у вождя его племянника в заложники. Место для постройки центра русской колонии на острове Ситка оказалось очень удобным, и городок стал расти.

9. ВОЙНА С ТЛИНКИТАМИ НА СИТКЕ

Смирение тлинкитов, вызванное пушками, было недолгим. Стали совершать засады на промысловиков, отнимать добытое добро и даже убивать. У индейцев появилось огнестрельное оружие. Индейцам давали повод для возмущений те колонисты, которые занимались грабежом, воровали запасы вяленой рыбы, заготовленной на зиму, не гнушались порой разорять индейские захоронения, выискивая дорогие вещицы и

украшения из золота.

Крупное выступление тлинкитов случилось весной 1802 года, когда за науськивание индейцев на колонистов Баранов приказал заковать в кандалы и усадить в подвал местного шамана. Индейцы выбрали момент и, когда основные силы колонистов оказались на побережье, занятые промыслом, шесть сотен воинов учинили бунт и сожгли только что отстроенную Михайловскую крепость на острове Ситка. В ней было всего-то полтора десятка человек. Нападавших возглавлял вождь Скаутлелт, который неоднократно заверял Баранова в дружбе.

Баранов отбыл на Кадык в Павловскую Гавань, оставив вместо себя в Михайловской крепости Василия Медведникова. Вооруженная толпа ворвалась в крепость. Медведников успел укрыться в укрепленной казарме. Индейцы окружили казарму и открыли оружейный огонь по окнам. На подмогу атакующим прибыла до времени укрывавшаяся за мысом крупная флотилия на каноэ. Двери казармы были вышиблены, и, несмотря на огонь из пушки по атакующим, индейцы ворвались внутрь и уничтожили в жестокой рубке всех защитников. Казарму подожгли, огню предали и другие строения крепости, а также недостроенное судно, высившееся на стапелях на берегу залива.

«Продолжалось же сие ужасное от варваров кровопролитие и огнедышущее пламя до вечера того дня», — оставил воспоминания Абрисим Плотников, один из немногих русских колонистов, уцелевших в той памятной резне.

Покончив с защитниками крепости, индейцы в течение нескольких дней выискивали и уничтожали промысловиков, отправившихся ранее на охоту. Был истреблен еще один отряд русских, которым руководил Василий Кочесов, умелый охотник, рожденный алеуткой с островов Лисьей гряды от русского промысловика. Захватив в плен отряд Кочесова, индейцы мучили пленников, чтобы запугать колонистов и заставить уйти с побережья: *«...варвары не вдруг, но повременно отрезывали у них нос, уши и другие члены их тела, набивали ими рот и злобно насмехались над терзаниями страдальцев. Кочесов... не мог долго переносить боли и был счастлив прекращением жизни, но несчастный Еглевский более суток томился в ужаснейших мучениях».*

Позднее индейцами была атакована еще одна большая группа промысловиков с Ситки, состоящая в основном из алеутов под руководством Ивана Кускова. Попав под огонь, промысловики укрылись в крепостице Якутат за стенами из бревен. Всего погибло более двух сотен колонистов, из них двадцать пять русских, остальные — кадыкцы, служившие в промысловых партиях: алеуты, эскимосы.

Два десятка членов промысловых партий успели укрыться на американских и английских торговых судах, стоявших в акватории залива близ побережья архипелага. Полагая, что англичане и американцы в этой войне для них союзники, вождь Скаутлелт, его племянник и воин Катлиан прибыли на судно английского шкипера Джона Барбера, чтобы забрать заложников и прикупить зарядов для ружей. Но англичане, не доверяя индейцам, которые были готовы растерзать и их, арестовали явившихся к ним вождей. Индейцы атаковали на каноэ судно Барбера, но не тут-то было. Англичане открыли огонь из пушек и ружей, к ним на помощь подошло судно американского шкипера Эббетса, и индейцы, понеся потери, кинулись к берегу. Барбер и Эббетс потребовали выкуп за вождя и его родственника и получили всю пушнину, захваченную в крепости, и пленников — детей и женщин.

Пленников Барбер доставил на Кадык и потребовал от Александра Андреевича выкуп в сумме пятидесяти тысяч рублей. Баранов долго качал головой, грозил шкиперу, наконец, сговорились на десяти тысячах за двадцать три спасенные души. Баранов был очень зол, так как он точно знал, что это восстание стало возможным после продажи индейцам оружия именно Барбером и в результате науськивания индейских вождей англичанами.

Два года Баранов собирал силы и в июле 1804 года отправился к Ситке для восстановления своей власти на острове и наказания тлинкитов за уничтожение русского поселения. К этому времени к побережью Америки подошел шлюп «Нева» под командою капитан-лейтенанта Юрия Лисянского. «Нева», нагруженная вещами и продуктами для колонии, выполняла вместе со шлюпом «Надежда» под командою Ивана Крузенштерна кругосветное плавание и зашла разгрузиться. А тут такая оказия: пришлось и повоевать по просьбе Баранова.

Отряд Баранова насчитывал сто пятьдесят русских и почти тысячу алеутов, а подкрепление в виде корабля с пушками и боеспособной командой оказался в этом случае как никогда кстати. «Неву» встречали с огромным воодушевлением, радостными криками, поминая императора и неласковую к ним Россию.

«Нева», разгрузившись на Кадыке и поправив такелаж, в августе отправилась на помощь отряду Баранова. Попытки мирного разрешения конфликта окончились неудачно, и уже в октябре Александр Баранов при поддержке отряда моряков во

главе с лейтенантом Петром Арбузовым с «Невы» предпринял штурм неприятельской крепости, в которой засело полторы сотни бойцов из племени тлинкитов.

Сначала тлинкиты успешно отражали атаки и даже серьезно ранили Баранова в руку, но русские не отступили и приготовились к решительному штурму. Очень помогло в этом деле то, что все моряки «Невы» были набраны Крузенштерном с военных российских кораблей, умело обращались с оружием и владели навыками штыкового боя.

Постреляв для острастки на дальних подступах, колонисты подошли к стенам крепости, а к воротам подтащили пушки. Из-за стен изредка падали из ружей и слышались воинственные возгласы индейцев. Стали готовить штурм. Пушечными ядрами прошибли дыру в стене и уже были готовы кинуться в неё, как из открывшихся ворот высыпали тлинкиты-колоши и, гримасничая, понеслись с воплями на штурмующих кадьякцев, размахивая ножами и копьями. Колонисты от неожиданности дрогнули и побежали. Штурм захлебнулся, и благо, что тлинкиты не продолжили преследование.

Через несколько дней, испытывая недостаток в порохе и пулях, изголодавшись в осаде, тлинкиты изловчились незаметно сбежать из крепости в горы. Собравшись с духом, колонисты снова атаковали крепость, но противника не нашли, чему удивились и порадовались. На том восстание и закончилось.

8 октября над крепостью был поднят российский флаг. *«В крепости нашли мы, — писал Юрий Лисянский, — около 100 наших пушечных ядер... и две оставленные неприятелем небольшие пушки»*. Потери колонистов составили 20 человек убитыми, потери тлинкитов-колошей никто не считал. «Нева», оказав решающую поддержку колонистам в войне с тлинкитами, отправилась на запад для встречи с «Надеждой» и для возвращения в Петербург.

После изгнания тлинкитов было решено строить новую крепость на острове Ситка. Поселение назвали Ново-Архангельском: помнил Александр Андреевич свою малую родину. Ново-Архангельск должен был стать теперь главным портом Российско-Американской компании.

10. ПРИБЫТИЕ КАМЕРГЕРА РЕЗАНОВА

От Лисянского Баранов узнал о неудачном посольстве в Японию камергера императора Александра I Николая Резанова. О камергере уже был наслышан Баранов — знал, что тот удачно перед самой смертью Шелихова успел с ним породниться, взяв в жены дочь купца малолетнюю Анну. Так Резанов получил состояние одного из наиболее знатных в России купцов. Смерть купца иркутского была неожиданной, ведь не стар был Григорий Иванович, а тут вдруг взял, да и свалился с ног.

После смерти Шелихова дела компании прибрала Наталья Алексеевна — вдовушка купца. В помощники к ней подвизался Резанов на правах зятя и влиятельного лица в кругах, близких к императрице. Заправляя умело зятёк, сумев придать компании вес в столице и привлечь в число акционеров многие знатные фамилии и даже самого императора. Компания стала не просто частной, но обрела государственный статус и возможность получать кредиты напрямую из бюджета в огромном объёме — до двухсот тысяч рублей зараз. Здесь, конечно, нельзя не учитывать удачно сложившуюся для компании ситуацию с воцарением Павла. Сынок был во всем поперёк маменьке и, прознав, что Екатерина противилась монополии компании Шелихова-Голикова на американских берегах, распорядился иначе, дозволив компании представлять Российскую империю. Так возникла Русско-американская компания с государственным участием и высокими полномочиями.

Оказался обласкан Резанов и императором Александром и был отправлен в Японию послом с перспективой большой карьеры: говаривали, что пост министра по иностранным делам для него готовили. Но посольство провалилось с треском. Теперь ждали в колонии камергера Резанова после посольской неудачи и отстранения от участия в экспедиции Ивана Крузенштерна.

В конце августа 1805 года в бухту, на берегу которой вырос Ново-Архангельск, вошёл бриг «Мария Магдолина». Баранов встретил высокого чиновника из далёкого Петербурга на пристани. Выглядел сорокалетний камергер внушительно: в мундире, при шпаге и шляпе бикорн, с ключом камергера на боку, с Мальтийским эмалевым крестом под воротом мундира и рядом брякающих орденов, исхудавший, несколько желтоватый с лица, губки бантиком поджаты то ли брезгливо, то ли обиженно.

Резанов смотрел на сухого телом Баранова и дивился. Возраст старца и парик, деланная смиренность образа делали внешний вид Александра Андреевича несколько жалким. Другого образа ждал камергер после рассказов своего тестя Шелихова о деятельности и воинственности Баранова. Скоро, однако, пообщавшись с Барановым

и обойдя крепость, Резанов составил об Александре Андреевиче более верное впечатление.

По пути в Ново-Архангельск, отстроенный после разрушения и сожжения Михайловской крепости, Резанов посетил острова Святого Павла, Уналашку, Кадык. Выяснилось, что не хватает на местах многих продуктов, материалов для строительства и оснащения кораблей, есть проблемы с порохом, многие колонисты болеют цингой.

Камергер увлечённо взялся за управление колонией. По распоряжению Резанова на острове Ситка в Ново-Архангельске стали готовиться к постройке двух судов: *«брига длиною от 80 до 90 футов о 16 пушках»* и *«тендера от 50 до 55 футов о 6 или 8 пушках»* для осуществления секретной экспедиции. Корабельные мастера Крюкин и Попов, прибывшие из России, принялись строить новую верфь взамен сожжённой тлинкитами при нападении на Михайловскую крепость: *«чтоб ежегодно с эленгов по два судна спущать было можно»*. Капитанами ещё не построенных судов Резанов назначил лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гавриила Давыдова, прибывших с ним с Камчатки.

В середине осени в Ново-Архангельск пришло трехмачтовое судно «Juno» американца Джона Вульфа, торговавшего с алеутами. На носу «Juno» украшала фигура богини Юоны. Осмотрев «Juno», камергер предложил американцу большие деньги за его судно и весь груз, часть которого составляли продукты питания. Американец опешил от предложения, совершенно не планируя продажу, но услышав цену, решил заработать и стал торговаться, и Резанову пришлось изрядно переплатить американцу. Для возвращения в свой порт Вульф передавалось компанейское судно «Ермак» и вексель на 31750 испанских пиастров от Русско-Американской компании. На эти деньги Вульф мог купить новое судно и полностью снарядить его в плавание, заполнив трюмы товаром, и ещё останется достаточно средств на расширение бизнеса.

Беседуя с Джоном Вульфom, Резанов выяснил, что можно закупить продовольствие у испанцев в Калифорнии. Баранов высказал сомнения, зная, что не жалуют испанцы русские колонии, получив на то приказ из Мадрида. Но острую проблему с продовольствием надо было решать.

«Juno» переименовали в «Юнону», а новое судно, строившееся для отправки в Калифорнию вместе с «Юноной», назвали «Авось». *«Спасём колонии от голодной смерти. Или погибнем. Авось все-таки спасём!»* — вот с каким девизом молодые капитаны Хвостов и Давыдов готовились отправиться в путь. Но в Калифорнию суждено было плыть одной «Юноне».

Поход в Калифорнию занял всё лето и, к удивлению Баранова, закончился вполне успешно: «Юнона» под началом Хвостова пришла в залив к Ново-Архангельску, тяжело качаясь на волне, осев до самой ватерлинии под грузом добытого у испанцев зерна, мяса, масла и другого продовольствия. Резанов чувствовал себя победителем и поведал Баранову о том, что для достижения цели по закупке продовольствия пришлось вскружить голову юной дочери коменданта крепости Сан-Франциско и обручиться с ней.

— Она юна, хороша собой, не глупа, зовётся Кончитой. Что же, коли сложится всё, как задумано, вернусь, заручившись поддержкой в Петербурге, и женюсь. Осяду здесь, а то отправлюсь в Европу. После смерти Аннушки, жены моей, только теперь стал я искать повода для нового брака. Думаю, этот союз послужит развитию отношений с испанцами. Теперь можем мы и на юге развивать нашу колонию, чтобы не просить милостыню у испанцев. Как полагаешь, Александр Андреевич?

— Думаю, что коли есть веление сердца, дело это стоит того, чтобы и вернуться и брак заключить. Нам нужно с южными областями связь устанавливать. Без доброго снабжения продуктами колонию не поднять. Сам видишь: и цинга лютует, и питаемся скудно. Климат здесь негодный для хлебопашества, а на рыбе одной не проживешь.

Камергер закивал головой:

— Значит, планы наши верные. Нужно искать способ закрепиться на берегу близ Сан-Франциско: места там благословенные, не в пример нашим будут — плодородные. Нам следует осесть там крепко, пока испанцы еще не успели захватить все побережье. Выстроить крепости и закрепить эти благодатные места за компанией и Россией.

— Согласен, Николай Петрович. Такой план был и у покойного Григория Ивановича, твоего тестя, и я сам давно хочу на сём побережье закрепиться. Тогда нам удастся наладить поставки продовольствия сюда в Ново-Архангельск и, наконец, решить проблему пропитания колонистов. Вот соберемся с силами да пошлём туда судно. Надобно человек сорок отправить, чтобы их там не извели сразу испанцы.

— А ещё я, Александр Андреевич, с Японией желаю разобраться. Народец сложный, и как я ни старался нынче убедить японскую сторону в полезности сотрудничества, итог оказался скверным. Спровадили меня, словно нашкодившего кота, даже толком не объяснив, в чём причина такого вот неприятия. Между тем японцы развернули и

на Сахалине, и на южных Курильских островах добычу, охоту, торговлю с местными айнами. Думаю, следует поставить их на место, и этим нынче я займусь.

— Что ты задумал, Николай Петрович? О чём это ты? Как можно без веления императора такие вопросы решать?

— Коли Бог не выдаст, свинья не напакудит, — ответил, загадочно усмехнувшись, Резанов.

— Знаешь, Николай Петрович, говорят: упущенная рыба всегда кажется более крупной. Ещё будет у нас возможность с японцами договориться. Не стоит с ними сразу враждовать начинать. Они народ упертый. Я так скажу: поезжай в Петербург, заручись поддержкой императора, а потом уже и действуй. А так, кроме раздора да соплей кровавых, мало чего добьешься.

— Ничего, Александр Андреевич, как говорят мои «друзья» японцы: о будущем толковать — чертей тешить. Дело я затеял: Хвостов и Давыдов покажут нашим недругам зубы.

Вскоре «Юнона» и «Авось», груженные мехами, продуктами промысла, отправились на запад в сторону Камчатки и Охотска в первых числах августа.

С началом новой навигации, уже поздней весной следующего 1808 года, Баранову пришло сообщение, что до Петербурга камергер Резанов не добрался: умер от болезни, простудившись на долгом пути в зимнюю стужу, и схоронен в Красноярске. Известие это Баранов тут же оформил письмом на имя коменданта крепости Хорхе Дарио Аргуэльо — отца Кончиты, помолвленной с Резановым:

«Милостивый государь!

В бытность у нас в Америко-Российских NW-вых заселениях для обозрения областей, под начальством моим 18-ть лет состоящих, уполномоченный от Государя Императора Нашего генерал двора Его Величества, действительный камергер и кавалер, бывший у японского двора полномочным послом, Николай Петрович Резанов, Вашему Высокоблагородию небезызвестная особа, который в 1806-м году имел удовольствие видеться с Вами на берегах Калифорнии в крепости Санкт-Франциско и приобрести Вашу и всего высокоблагородного семейства благосклонность, возвратился благополучно в начале июня в порт Ново-Архангельск, а вышел 8-го августа, следуя в Петербург предстать с донесениями о вверенных ему комиссиях пред лице Государю Императору. Охотского порта достиг он с теми же, кои были у вас с ним, офицерами в сентябре месяце того же 806-го года, в коем и оттоль отправился до города Якутска по многотрудному весьма пути верховую езду, на пути же сем застигли морозы и снега, жестоко изнурил себя и простудился, с трудом довезен до сказанного города, где и лечим был дней 10-ть доктором, а потом и до Иркутска доехал в слабом здоровье, а оттоль уже следуя прямо в Петербург, занемог и скончался в городе Красноярске 13 числа марта месяца 1807-го года.

А как по особливой ко мне благосклонности покойного Его превосходительства извещен я, что в бытность в Санкт-Франциской крепости вступил он с Вашим Высокоблагородием в обязанность родства, сговоря прекрасную дочь Вашу Концепцию в законную невесту, обнадежа возвратиться чрез 2 года к Вам, между же тем при отъезде просил меня при случающихся оказиях вояжирующих при здешних берегах иностранцев писать к Вашему Высокоблагородию и извещать об нем со изъявлением уверения, что выполнит он данное слово, в особливую честь себе поставляя, всемерно тщится будет, о чем и из Охотска в предписаниях своих подтвердит еще изволил, что непременно чрез Кадикский порт Вашего отечества в ныне текущем 808-м году к Вам отправится. Но вышнему провидению не угодно было исполнить горячее его к родству Вашему желанья, постиг преждевременно общий всем смертным предел, а потому разрешится должна обязанность и судьба Вашей прекрасной дочери свободою, о чем за долг себе вменил известить Ваше Высокоблагородие при случившейся теперь оказии. Потеря сего именитого мужа — для здешнего края, особливо для меня, крайне чувствительно и прискорбно, ибо ласкался по времени снискать Вашу благосклонность, а по близкому между нами соседству завести и коммерческую связь с обоюдными пользами, на честных правилах, чего и ныне желая усердно, покорнейше прошу осчастливить меня Вашим приятным ответом, на том же самом, кое следует отсель по своим предметам и буде близ калифорнских берегов, американском судне.

В прочем свидетельствуя особе Вашей принадлежащее почтение, вменя себе в особливую честь, ежели позволите быть и именоваться, милостивый государь, Вашим покорным слугой, Америко-Российских на NWте и Nге областей правитель коллежский советник, ордена С.-я Анны 2-й степени кавалер Баранов.

Павловская Гавань, 1808 г., май».

После всех грустных событий и вестей, отправив письмо, Баранов полагал, что снимает с Кончиты, помолвленной с Резановым, всякие обязательства. Но прошло время, и Александр Андреевич узнал, что молодая женщина не перестала ждать своего

жениха и осталась одна, отказавшись от предложений брака, а вскоре поселившись в монастыре, доверив себя, свою судьбу Богу.

11. КОНФЛИКТ С ЯПОНЦАМИ

Пребывание камергера Резанова на востоке империи имело долгие и крайне неприятные последствия для отношений с Японией. Получив оскорбительный отказ от налаживания торговых отношений со стороны японцев, камергер затаил обиду и решил действовать вероломно, чтобы наказать японцев и, как ему казалось, поставить их на место, запретить хозяйничать на юге Сахалина и Курил.

В меморандуме японскому правительству, составленному в период пребывания в Русской Америке, он предупреждал: *«чтобы японская империя далее северной оконечности Матмая (остров Хоккайдо — прим. авт.) отнюдь своих владений не простирала» и грозил в случае «вторичного неуважения» принять «меры, которые в народе будут гибельны и невозвратные производят потери».*

Сделанные в спешке угрозы какой-либо реальной силы, конечно, не имели. Россия в те годы на востоке была слаба, не имела крепкого порта, ни единого боевого корабля и едва могла бы набрать роту плохонько одетых и достойно снаряженных солдат.

В донесении Александру I камергер заносчиво сообщил о своём намерении в будущем году отправиться к «берегам японским» и вытеснить «из Сахалина водворение на нём соседий наших» и прислать в Русскую Америку «колонию пленных» японцев.

Завершая свой вояж в Русскую Америку и отправляясь в Санкт-Петербург летом 1806 года из Ново-Архангельска, Николай Резанов, следуя желанию исполнить угрозы, сделал тайно подготовленное письменное указание капитану «Юноны» Николаю Хвостову: идти двумя кораблями в залив Анива на Сахалине, а затем к южным островам Курил, чтобы силою изгнать японцев и утвердиться на островах. Странность такого приказа была очевидна: было непонятно, какими силами планировал камергер Резанов утвердиться на островах, не имея поддержки и даже указания от правительства, притом что сам покидал этот обширный край, не имея способов влиять на обстановку.

До Баранова известия о погромах и даже боях на Сахалине, Курилах и в Японском море, учиненные Хвостовым и Давыдовым, пришли скоро, и Александр Андреевич сокрушался, что надежды на торговлю с японцами не только не подтвердились, а стали вовсе невозможны, а контакты опасны.

— Эх, голова бедовая! Как же так! Нужно ли неуспех в делах так принимать, как личную обиду? И что? Решил сдуру, что здесь он главный начальник, взялся учреждать свои порядки? — сокрушался Баранов. И добавлял: — О покойниках дурно не говорят, но по правде — наворотил дел, Николай Петров, долго не «отмоемся» мы теперь.

Японцы, и верно, не успокоились, и в 1811 году захватили в плен капитана шлюпа «Диана» Василия Михайловича Головнина с командой, проводивших гидрографическое описание Курильских островов. Капитану Головнину, двум офицерам и четвертым матросам пришлось более двух лет просидеть в железной клетке в местечке Мапумае на Хоккайдо, испытав на себе зверское отношение японцев. Спасти моряков сумел Пётр Рикард, проявивший настойчивость, терпимость и сметливость, возглавивший три спасательные экспедиции к берегам Японии из Петропавловска, сумевший наладить отношения с японским купцом и общественным деятелем Такадай Кахэя, который, пробыв в России около года, по возвращении на родину убедил свое правительство отпустить пленников.

Василия Михайловича Головнина японцы освободили только после официальных извинений и заверений, что набеги на острова не были санкционированы государственной властью, а вызваны волею лиц, не имевших соответствующих полномочий. Было обещано людей, отметившихся в разбое, строго наказать.

Таким образом, ошибка Резанова была признана российской властью официально, а император Александр I был вынужден обозначить южную границу своих владений на Курилах. Крайней точкой российских владений был назначен южный мыс острова Уруп, а более южные крупные острова Кунашир и Итуруп отошли к Японии. Японцам также отошел и южный Сахалин, где они продолжали хозяйничать ещё несколько десятилетий, усилив и численность гарнизона, и число своих торговых и рыболовных предприятий.

Сам знаменитый мореплаватель, стойчески выдержав 26-месячное пребывание в неволе и много раз рисковавший жизнью, отзывался о Николае Резанове строго:

«Он был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову, более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания, и вовсе не имевший ни терпения, ни способности достигать великих и отдаленных видов; впоследствии мы увидим, что он наделал компании множество вреда и сам разрушил планы, которые были им же изобретены».

После событий с пленением капитана Головнина не только надежды на торговлю с Японией пропали окончательно, но плавать стало крайне опасно мимо японских островов. Приходилось ходить в Кантон и иные места с оглядкой, оглябая опасные маршруты, что и без того усложняло торговлю и обмен товарами.

12. ЗОЛОТО КАЛИФОРНИИ

Одно из направлений развития Русской Америки Баранов видел в добыче золота и серебра — металлов, ценность которых от времени только растёт.

После прибытия «Марии Магдалены» в Ново-Архангельске появились новые люди. Один из них привлек внимание Баранова. Это грузин из Тифлиса Шота Сванидзе. Шумлив был Шота, говорлив и вспыльчив. Баранов пригласился к Шоте, и тот стал ему служить.

Засобирався Баранов, после того как ситуация с тлинкитами выровнялась, в дальнюю поездку к индейцам, у которых он увидел изделия из золота. Это были маски и фигурки божеств, животных, сделанные искусно. Баранов решил разузнать, где добывают золото индейцы. На исходе лета он со своим новым помощником Шотой отправился вдоль побережья к месту стоянки вождя тлинкитов Джаскита. Стоянка племени находилась на реке, получившей название у колонистов Гремучий источник. Река была вполне судоходной для коча, и можно было пройти от устья к месту, где проживало около сотни членов племени.

Вождь Джаскита встретил гостей на берегу в облачении вождя с перьями, в кожаной пестрой кухлянке, окруженный несколькими воинами с копьями в нарядах с масками невероятных чудищ на голове. Долгий разговор у очага с вождем о золотодобыче позволили построить схему и уяснить, что практически все реки этой части побережья полны золотых россыпей. Также удалось узнать, что есть скалы и ущелья, в которых находят необычные с металлическим сиянием горные породы.

Баранов решил сходить вдоль ущелья и свериться со схемой, составленной со слов Джаскита. От стоянки тлинкитов двинулись в направлении темнеющего впереди распадка. На перевале дул страшный ветер: рвал полы одежды, срывал шляпы и картузы, норовил свалить с ног. Поднимаясь по тропе уже сутки, вышли в зону отвесных скал, снега и льда. В ущелье было, по крайней мере, тише, но здесь, наверху, сдувало с ног. Тут впереди на скале справа путники увидели горного архара. Он гордо высился над тропой и всей грядой и смотрел на людей сверху. Вероятно, непуганое животное не осознавало опасности.

Грянул выстрел. Это Шота, отменный стрелок, выстрелил из своего, казалось, допотопного, ещё кремневого ружья с невероятно длинным стволом. Архар продолжал стоять, и показалось, Шота сделал промах. Но через мгновение лохматые ноги архара подломились, он осел на поверхность скалы, клюнул головой в сторону обрыва, его тело обмякло, и зверь свалился со скалы и полетел вниз.

Все отправились к тому месту, где упал архар. Тот лежал, раскинувшись с неестественно подвернутыми ногами и свернутой шеей. Огромные рога были сломаны, а из носа и рта текла струйка крови. Шота достал свой сияющий на солнце нож и стал разделывать тушу. Под скалой не было ветра, и Баранов решил организовать здесь бивуак. Группа колонистов расположилась на широкой, практически ровной площадке: развели костёр дровами, что тащили с собой, и скоро уже варилась, клубилась паром похлебка из свежего мяса архара. Шота самые мягкие куски мяса запёк на огне, и уставшие, замёрзшие в дороге путники взялись поесть роскошную еду.

«Всё же, как мало нужно человеку для ощущения счастья», — подумал Баранов. Это такое состояние, когда ты востребован, находишься в деле, тебе может быть невероятно тяжело, ты устал смертельно и готов уже отступить, и вдруг наступает облегчение, передышка, возможность подкрепить силы, и этого уже бывает достаточно для ощущения счастливого состояния.

Отряд Баранова, передохнув на южной стороне скалы в тепле, двинулся дальше. Преодолев перевал, колонисты поднялись по ущелью в долину между скал и главным хребтом. В этом месте ущелье расширялось, и со склонов текли ручьи, рожденные родниками из горных разломов.

Шота, как оказалось, был знатоком процесса промывки золота в реках и ручьях. Ещё до поездки он выстругал из ствола сосны лоток и теперь, раз за разом останавливаясь у реки, брал с берега песок и тут же промывал его в лотке. Скоро стало ясно, что золото в хорошем количестве есть в реке и в сбегающих с бортов долины ручьях. За три дня пути вверх по ущелью у Шоты скопилось несколько грамм золотого песка и самородок размером с крупную осу, очень напоминающий именно это насекомое.

Когда поднялись по долине, ведущей в сторону вершины, отметили выходы пластов

горных пород с прожилками белого, полупрозрачного, словно взбитые молочные сливки, кварца. В кварце были яркие вкрапления желтоватого металла.

— Золото, — изрек уверенно Шота и взялся ковырять ножом жилу, выскребая, выламывая обломки кварца с жильным золотом.

13. ГУДБАЙ, АМЕРИКА

Разговор с Джоном Шелтоном о том, что Русская Америка рано или чуток позднее перейдет к набирающим силу Объединенным областям Америки, оставила у Баранова неприятный осадок. Американец сидел за крепким столом в доме Баранова, потягивал сигару, подносил к своему длинному носу рюмку с коньяком и разглагольствовал, ломая русский язык, ловко пускал кольца дыма, которые паря и расширяясь, возносились чуть ли не к самому потолку.

— Такова, мистер Баранов, логика процессов освоения континента, и русским не удержаться здесь, ибо с ростом интереса к этой территории удалённость её от России станет непреодолимым препятствием для сохранения контроля. Здесь два пути у тебя, Баранов: присоединиться к нам и служить новому государству или всё потерять. На старости лет — незавидная участь. А так многие тысячи долларов в кармане, домик на тёплом побережье и спокойная жизнь в старости. Выбирай, Александр Андреевич.

Баранов понимал, что, конечно, во многом Шелтон прав. Удержать колонию на американской земле будет невероятно сложно. Главным препятствием был недостаток служивых, торговых людей, промысловиков. Вот если бы заселить все побережье поселенцами из России, насколько было бы легче удержать и развивать Русскую Америку.

— Я Отечеству служу, и мой долг донести императору и правительству моей страны о тех богатствах, коими мы тут владеем. У меня есть надежда, что доставленное мной мнение, подкрепленное моими наблюдениями и результатами походов по побережью, дадут повод подумать о крепком присоединении нашей колонии к империи.

— Ой, проиграешь ты, Александр Андреевич. Я только-то вернулся из Европы, побывал и в России. Недовольны в Европе расширением Российской империи. Зреет новая война. Наполеону не удалось сломить Россию с запада, есть планы подрезать её с востока и юга. Опасаются претензий России на Дарданеллы, Черное море и территории на востоке — устье Амура, Камчатку и Америку. А в самом Петербурге раздражены тем, что защита колоний на востоке — дорогое занятие. Есть мнение, что земли и без Америки достаточно.

Баранов понял, что американцы по-джентельменски не отойдут в сторону. «Жди гадостей и провокаций: взялись за меня основательно», — подумал Александр Андреевич и решил, что все карты и записи, сделанные в поездках по стойбищам и по рекам и горным отрогам, о выявленных местах золотых и серебряных руд, залежей меди, выходов пластов угля, следует надежно спрятать. С помощью Шоты материалы были уложены в крепкий дощатый ящик и отнесены верным грузином в церковную обитель, в каменный подвал под приглядомotoшного служителя. «Пусть лежат, пока не сгодятся», — подумал Баранов, планируя поездку в Петербург, куда следует доставить эти документы.

Скоро прибыло торговое судно из Аяна с двумя чиновниками из правления компании, затевавшими неприятный разговор. Суть его касалась претензий столичных акционеров к Александру Андреевичу на основании жалоб на «жестокие» методы руководства и на неэкономное расходовании средств, а в качестве главного преступления вменялось Баранову воровство заработанных денег и обман метрополии подтасовкой цифр в отчётах.

Баранов понимал, что в управлении компании дела вершат люди, желающие прибрать к рукам все доходы. Вкладываться в развитие Русской Америки правление не спешило. Некоторые близкие к правительству господа всё чаще заводили разговор о бесперспективности русских колоний и их уступке американцам.

К зиме, в самом конце навигации, из Петербурга прибыли компанейские суда «Суворов» и чуть позже «Кутузов» во главе с Леонтием Гегемейстером. Шлюп «Кутузов» прибыл в Ново-Архангельск в начале зимы 1817 года, а уже в январе следующего года было официально объявлено, что Гегемейстер назначен для замены Баранова на посту правителя колонии. Правлением РАК Баранов отстранялся от власти на время ревизии, дабы найти серьёзные огрехи в управлении и признаки казнокрадства. По итогам разбирательства планировалось обвинить Александра Андреевича и доставить в Петербург чуть ли не в кандалах.

Новый правитель колонии взялся за дело решительно и круто: поменял должностных лиц, провел дознание о положении дел, составил должностные штаты основных поселений колонии (Кадык, Ситка, Форт-Росс), возобновил крепостное строительство

в Ново-Архангельске, выправил правила для иностранных судов, посещающих Русскую Америку, отправил летом 1818 года экспедицию под руководством Петра Корсаковского для изучения центральных районов Аляски, взялся урегулировать административные и земельные отношения Форт-Росса с местными индейскими вождями, фактически приведя их в российское подданство, дважды посетил район Сан-Франциско, лично принимал участие в картографировании 2600-мильного побережья, произвёл его минералогическое изучение.

За короткий срок затеяно было немало, но такие радикальные нововведения привели в замешательство и ярость как местных, так и столичных чиновников Российско-Американской компании, чьи корыстные интересы были задеты смелыми новациями. Леонтий Гагенмейстер был знаком Баранову по его первому посещению Ново-Архангельска в 1807 году. Тогда, командуя шлюпом «Нева», Леонтий проследовал с командой вокруг Африки через Индийский океан южнее Австралии, далее через Тихий океан на побережье залива Александра и прибыл в распоряжение правителя Русской Америки.

Передача дел затянулась: разбирались многочисленные доносы о неблагоприятных делах Баранова. Комиссия заседала днями и вечерами, вороша бумаги, опрашивая кладовщиков и промысловиков. Долгая проверка показала, что убытку нет, наоборот — многократно возросло имущество, число выстроенных зданий, причалов, портов и верфей, спущенных на воду судов. Комиссия, имевшая целью найти злоупотребления и растраты, была обескуражена: придираться было вовсе не к чему — компания стала изрядно богаче. У самого Баранова в его кладовках и сейфах не нашли ни золота, ни серебра, ни долларов от американцев, о чём писали доноски.

Подвыпивший посыльный из столицы разоткровенничался:

— Боятся тебя, Александр Андреевич. Много ты чего ведаешь, много чего можешь порассказать о том, куда подевались денежки, что поступали в правление все эти годы. Акционеры-то не досчитались многих десятков тысяч при таком-то ушлом руководстве. Директор правления РАК Булдаков из простаков безродных, а за двадцать-то лет в должности так наловчился денежки прятать, что коли это станет известно акционерам, среди коих и сам император, головы ему не сносить. На худой конец, крепость до конца дней ему обеспечена.

Баранов предстал перед комиссией вовсе бессребреником. Как стал собираться выезжать из Америки, собрал всего сундук добра, большая часть которого составляли бумаги да карты.

Когда отчет комиссии добрался до дирекции РАК, до Михаила Булдакова, в Ново-Архангельск прибыл курьер с почтой и доставил новые инструкции для Гагенмейстера. Баранова рекомендовалось в Петербург не отпускать или сделать всё, чтобы он до столицы не добрался. Несмотря на активно начатую деятельность, в октябре капитан-лейтенант Леонтий Гагенмейстер сдал дела правителя колонии лейтенанту Семёну Яновскому, старшему офицеру с судна «Суворов». Леонтий, по сути человек прямой и честный, ходил смурной, Баранова избегал, а при встрече в глаза ему не смотрел.

Сын Александра Андреевича Антипатр в это время находился в Петербурге. С малых лет Антипатр помогал отцу в его делах, а в 1817 году был отправлен в столицу с договором о передаче нескольких островов Гавайского архипелага на попечение Русско-Американской компании. Появление русских на Гавайях привело к острому конфликту с американскими купцами и даже к боям на островах. Но эта история показала, что русская колония окрепла и стремится неуклонно расширяться, способная постоять за себя.

Миссия Антипатра, задуманная как торжественная и победная, оказалась малоинтересной для чиновников правительства и императора России. Новые территории, вдруг оказавшиеся во владении, вызывали беспокойство из-за растущего раздражения американцев и британцев. Англосаксы убеждали отказаться от захвата Гавайев, и власть не видела иного исхода, как отмежеваться от новых владений, в раздражении обвиняя Баранова в самоуправстве.

Выдав старшую дочь Ирину замуж и оставив на попечение нового правителя Русской Америки жену и младшую дочь, Александр Баранов в конце ноября 1818 года отплыл от берегов архипелага Александра на судне «Кутузов» во главе с капитаном Леонтием Гагенмейстером.

14. НА РОДИНУ

Баранов стоял на палубе и пристально вглядывался в удаляющееся побережье. Туман укрывал берег, стелился над водой, словно отяжелел от падающих снежных хлопьев. Скоро уже не было видно строений порта и стоящего на вершине горы дома, в котором размещалось правление и квартира самого Баранова. Всё это он построил,

управляя колонией. Теперь, покидая обжитые места, где он провёл без малого почти тридцать лет, Александр Андреевич сам поражался тому, сколько он успел сделать, начиная каждый раз заново после сражений в войне с тлинкитами, землетрясений и цунами.

Флаг Русско-Американской компании, что висел на мачте у дома верховного правителя колонии, провис под тяжестью падающего снега, словно в поклоне в честь тихо убывающего навсегда с этих берегов человека, который освоил обширную территорию, приобщил местный народ к русской православной культуре.

Александр Андреевич долго стоял на палубе судна, проплывая мимо Уналашки, Кадыака, гряды остров в направлении Отечества, ради которого он служил и множил его достояние. Вёз с собой грозный правитель самой восточной российской земли не накопленные сокровища и банковские билеты, а документы в старомодном сундуке о своей деятельности на Американском континенте, чтобы снять выдвигаемые против него обвинения и показать перспективы развития Русской Америки.

В один из дней, когда судно уже более трех месяцев непрерывно и достаточно ходко двигалось в направлении Индийского океана, Леонтий Гагенмейстер, повстречав Баранова на палубе, поприветствовал бывшего правителя Русской Америки и сообщил, что планирует зайти в порт на острове Ява для ремонта.

— А что стряслось? — поинтересовался Баранов.

— Судно потрепало в прошлом ещё переходе у Кейптауна. В Ново-Архангельске как будто поправили мачту, оснастку, но вскрылись старые проблемы. Зайдем в Джакарту, ибо далее уже выйдем в Индийский океан, и порт для ремонта будет нескоро.

На подходе к Батавии встали на рейде, и капитан отправился для переговоров насчет постановки судна к ремонтному причалу. После оплаты было получено на то разрешение властей. Капитан предложил Александру Андреевичу перебраться на берег:

— Есть в порту добротный отель: кормят хорошо, отдельная спальня с гостиной. Тебе будет удобно, Александр Андреевич. Здесь же начнут завтра работы — будут стучать, колотить, и с кормежкой из-за ремонта возникнут неудобства. Вещи оставь в каюте, закроем — никто не тронет.

Баранов внял совету Леонтия Андриановича, но попросил двух моряков, чтобы стащили на берег и доставили в гостиницу сундук. С переездом в гостиницу жизнь как будто наладилась. С корабля по утрам приходил матрос, выполнял поручения и уходил. Через некоторое время Баранову потребовалась помощь врача. Матрос привёл нанятого местного доктора. Тот, послушав через трубку сердце, лёгкие больного, констатировал, что причин недомогания определить не смог. А для Баранова было очевидно, что он отравился.

На судно Баранов был доставлен уже в беспамятстве, и через несколько дней плавания по Яванскому морю сердце русского Писарро остановилось. А сундук с документами оказался пуст.

Закутанное в старую парусину тело отставного верховного правителя Русской Америки было опущено в море вдалеке от берегов ее и Отечества.